

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

114554

МОЛОДОЙ КУТОРГА

(к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности) ¹

Доц., канд. истор. наук Ю. Мадиссон

Кафедра всеобщей истории

Историография является одной из наиболее важных и сложных областей надстройки. Тесная связь с политической, социальной и др. идеологиями характерна для нее во все времена и во всех странах. Вот почему историография всегда была важнейшим орудием правящих классов для закабаления трудящихся масс, служа правящему классу «жизненной школой» («palaestra vitae»), посредством которой этот класс доказывал извечную будто бы неизбежность существующего способа эксплуатации. Однако, хотя по характеристике, данной Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии», мысли господствующего класса были господствующими мыслями, идеология как сектор надстройки редко являлась единой; происходила борьба между старой идеологией, защищающей интересы отжившего господствующего класса, и новой идеологией, служащей интересам передовых сил общества.

Эта борьба между старой и новой идеологиями наблюдается и в историографии. В первые десятилетия XIX века реакционная историография периода романтизма защищала интересы класса феодалов и феодально-абсолютистского государства. Новой же идеологией являлась концепция об историческом развитии ², выдвинутая во время реставрации во Франции буржуазными историками Гизо и Тьерри, согласно которой расовая (классовая) борьба между франками, ставшими после завоевания страны феодалами, с одной стороны, и, с другой стороны — галло-романами, которых эти франки превратили в крепостных, признается решающим фактором в историческом развитии Франции, а в буржуазной революции конца XVIII века усматривается последний решительный

¹ Статья о молодом Куторге является первой частью монографического исследования автора о Профессорском институте при Тартуском университете (1828—39) и его значении в развитии русской исторической науки. Статья эта печатается здесь с сокращениями.

² См. М. А. Алпатов, Политические идеи французской историографии XIX века. 1949 (= Алпатов. Французская историография): введение и I часть, гл. III.

тельный этап на пути свержения феодальной формации. Подчеркивая прогрессивное значение концепций этих историков, Маркс писал: «что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов...»³ Однако, эта французская либерально-романтическая историография оказалась недолговечной. В качестве одного из проявлений реакционности буржуазии как господствующего класса, она в своих новых концепциях уже ко времени революции 1848 года скатывается в сторону реакции.

В отличие от развития историографии на Западе, а в особенности во Франции, судьбы историографии всеобщей истории в России складывались иначе. Развиваясь в условиях распада феодализма и возникновения капиталистической формации, она сохраняла прогрессивный характер долгие годы вплоть до подъема социалистического движения, в частности же до революции 1905—1907 гг. Буржуазную ограниченность русской историографии данного периода, а также и ее выдающиеся заслуги в области разоблачения реакционных концепций историков Запада убедительно показывает Алпатов⁴, который, однако, к сожалению, не рассматривает взаимоотношений русской и либерально-романтической французской историографии первой половины XIX столетия. А между тем, именно в этот период, когда были заложены основы русской всеобщей историографии такими крупными учеными, как Куторга и Грановский, эта взаимосвязь оказалась особенно прочной и плодотворной.

Деятельность М. С. Куторги (1809—1886) — основоположника русской исторической науки об античности, выдающегося профессора Петербургского (1835—69) и Московского (1869—74) университетов, — является предметом изучения довольно обширной историографической литературы. В. В. Бауер первым охарактеризовал деятельность Куторги в очерке,⁵ напечатанном в сборнике, посвященном истории Петербургского университета. Он здесь дает между прочим краткий обзор учебы Куторги в Тарту и за границей, неверные положения которого без должной критики повторяются всей последующей историографией о Куторге, и отмечает, что деятельность Куторги в качестве профессора Петербургского университета означала новую эпоху в преподавании истории в Петербургском университете. Другим ценным трудом о Куторге является некролог Дестуниса⁶, в котором с большой теплотой и в

³ Маркс — Вейдемейеру 5. 03. 1852 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947, стр. 63.

⁴ Алпатов, *op. cit.* II часть, гл. VI.

⁵ В. В. Григорьев, С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. 1870 (= Григорьев, *op. cit.*), стр. 213—218, см. также Примечания: № 362 на стр. 57.

⁶ Г. Дестунис, М. С. Куторга. Воспоминания и очерки. ЖМНП, 1886, июль, стр. 3—14 (= Дестунис, *op. cit.*).

восторженных выражениях описывается и переворот, проведенный Куторгой в преподавании всеобщей истории в университете, и защита Куторгой в 1838 г. докторской диссертации.

В 80-ые годы XIX в. появляются и воспоминания учеников Куторги: Э—г—, А. Ч., Ф. Н. Устрялова и О. Языкова.⁷ Позднее появились в печати дневники революционного демократа Чернышевского за 1848—1849 гг.,⁸ свидетельствующие о большом влиянии Куторги на развитие Чернышевского; дневник показывает и критическое отношение Чернышевского к взглядам Куторги.⁹ Ценные сведения о поездке Куторги за границу, о его диссертациях дает переписка М. М. Стасюлевича.¹⁰ Новые данные для характеристики и биографии Куторги содержат введения, написанные его племянником, к посмертным изданиям трудов Куторги,¹¹ в которых Куторга, между прочим, характеризуется как основоположник русской исторической науки об античности.¹² С позиций буржуазной историографии трактовку Куторги подытожил и дополнил В. П. Бузескул. Из его работ о Куторге по приводимым им новым материалам и по точности фактических данных наиболее ценна «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века»¹³, в то время как в его «Введении в историю Греции»¹⁴ много ошибок в передаче фактических данных, которые без должной проверки и поправки перенимались даже советскими историками.

В связи с переоценкой культурного наследия в последние годы выдвигался вопрос о значении деятельности Куторги. Попытки определить его место в развитии русской исторической науки делались и в виде докладов¹⁵ и в очерках. К сожалению, неудачным

⁷ Э—г—. Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830—1840 гг. Русская старина, 1881, стр. 367—380 (= Э—г—, *op. cit.*). А. Ч. Петербургский университет полвека тому назад. Русский архив, 1888, № 9, стр. 139—142 (= А. Ч., *op. cit.*). Ф. Н. Устрялов, Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852—1856 гг. Исторический вестник, 1884, июль, стр. 297—300 (= Устрялов, *op. cit.*). О. Языков, Воспоминания о М. С. Куторге. Исторический вестник, 1886, июль, стр. 563—568 (= Языков, *op. cit.*).

⁸ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений. Т. I, 1939 (= Чернышевский, *op. cit.*), стр. 38—269.

⁹ *Ibid.*, стр. 105: «Куторга читал о характере главных европейских народов — основные мысли из Гизо. Но распространение и много, кажется не так...»

¹⁰ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. I, 1911 (= Стасюлевич, *op. cit.*).

¹¹ М. С. Куторга. Из неизданных сочинений. ЖМНП, 1891, май, стр. 78—81. Собрание сочинений М. С. Куторги. Т. I, 1894, стр. I—X и т. II, 1896, стр. I—VIII (= Куторга, Неизданные и Куторга. Сочинения I и II).

¹² Куторга, Сочинения II, стр. VIII: «...первоначальник в нашем отечестве науки об эллинизме...»

¹³ Ч. I, 1929 (= Бузескул, Всеобщая история), стр. 99—109.

¹⁴ 3-е издание. 1915 (= Бузескул, Введение), стр. 303—308.

¹⁵ Так, в 1951 г. в Ивановском педагогическом институте, выступая на научной сессии, М. Гусева зачитала доклад на тему: «М. С. Куторга и его роль в изучении античности». См. Вопросы истории, 1951, № 4, стр. 142 сл.

и порочным по своим установкам является очерк о Куторге Н. А. Машкица в известном учебнике Сергеева¹⁶, так как в этом очерке не только искажаются многие биографические данные о Куторге, но и приводится в качестве свидетельства прогрессивности его взглядов реакционная теория старого Куторги о политике вместо его учения о классовой борьбе. Передачей био-библиографических данных о Куторге ограничиваются Дьяков и Никольский в своем учебнике.¹⁷

Первой попыткой дать развернутую характеристику Куторги как историка с точки зрения марксистской историографии является очерк о нем С. Н. Валка,¹⁸ в котором на основе довольно обширной литературы показывается значение Куторги в развитии изучения истории в Петербургском университете. Неудачной и неверной нужно признать его попытку свести сущность «школы» исторической науки Петербургского университета к отличиям ее от «школы» Грановского в методологических вопросах. Неубедительным следует также признать и его попытку объяснить переход Куторги на реакционные позиции пространственной его близостью к царским жандармам (Дуббельту и Орлову) и к Петропавловской крепости. Самым ценным исследованием о Куторге нужно считать очерк о нем М. А. Алпатова.¹⁹ При всех достоинствах этого очерка, установки которого верны и приемлемы, его крупным недостатком является то, что в нем по существу обходится вопрос о том, как Куторга стал на точку зрения расовой (классовой) борьбы и развил ее дальше.

Наряду с известными достижениями в переоценке наследия Куторги как выдающегося буржуазного историка имеются еще и крупные недочеты, из которых наиболее существенными являются следующие. Во-первых, неразрешенным в конечном итоге остается вопрос о том, как Куторга, который в свои молодые годы был прогрессивным ученым, скатился в лагерь реакции. Впервые этот вопрос поднимается учениками Куторги первых лет его преподавательской деятельности (Э—г— и А. Ч.).²⁰ Разрешить этот вопрос было не под силу буржуазной историографии, которая сводит его к воздействиям со стороны начальства и к взаимоотношениям между личностями.

¹⁶ Сергеев, История древней Греции. 1948, стр. 45 сл.

¹⁷ История древнего мира. 1952, стр. 239.

¹⁸ С. Н. Валка, Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. Труды юбилейной сессии. Секция исторических наук. 1948, стр. 6—15.

¹⁹ Тихомиров, Алпатов, Сидоров, Очерки истории исторической науки в СССР. I, 1955 (= Алпатов, М. С. Куторга), стр. 474—495. В виду того, что наша статья была закончена и отредактирована до выхода этого труда из печати, нам удалось использовать очерк Алпатова только отчасти, в виде редакционных замечок.

²⁰ Э—г—, *op. cit.*, стр. 370 и А. Ч., *op. cit.*, стр. 139 и сл. Опираясь на воспоминания Э—г—, вопрос этот обсуждается и Бобровым. См. Е. Бобров, Жизнь и поэзия П. И. Шкляревского. Сборник учено-литературного общества при И. Юрьевском университете. Т. XIV. 1909 (= Бобров, *op. cit.*), стр. 24.

В виду того, что историки являются идеологами того или иного класса, интересы которых ими защищаются в теориях общественного развития, главной задачей при решении вопроса о прогрессивности историка является выяснение его основных научных концепций. По отношению к Куторге вопрос этот в основных чертах ясен. Если для молодого Куторги как идеолога прогрессивной буржуазии была характерна разработка учения о классовой борьбе, то к старости он развивает реакционную концепцию о политике, согласно которой наивысшим достижением политической мысли Греции признается классовый мир и сотрудничество антагонистических классов в городе-государстве. Серьезным недостатком советской историографии о Куторге, за исключением очерка Алпатова, является то обстоятельство, что вопрос об основной концепции Куторги или вовсе не ставится, или решается неверно. Задачей этого исследования не является выяснение причин и момента смены концепций у Куторги. Дневник Чернышевского показывает, что Куторга еще в 1848 г. стоял на позициях концепции классовой борьбы. Известное указание Бузескула²¹ о том, что Куторга свое учение о политике впервые развил в статье 1875 г., может быть только датой *ante quem*.

Вторым крупным недостатком историографии Куторги нужно признать ошибочную и искаженную трактовку развития молодого Куторги, основным источником которой является вышеназванный очерк о Куторге Бауера.²² Грубейшие ошибки встречаются в литературе о Куторге и в изложении фактов. Нет почти ни одной даты или явления в жизни нашего Куторги, которую бы авторы, писавшие о нем, не исказили, подчас до неузнаваемости.

В силу вышеуказанных обстоятельств для выяснения вопроса о развитии Куторги следует обратиться к первоисточникам. Работая в 1951—52 гг. в Центральном государственном историческом архиве в Тарту²³ над изысканием материалов по развитию исторической науки в Тартуском университете, я обнаружил обильные неиспользованные донные материалы, касающиеся деятельности Куторги в Профессорском институте в 1828—33 гг. Кроме того мною собран ряд дополнительных материалов в Ленинградском Центральном государственном историческом архиве²⁴, где я нашел неиспользованные до сих пор материалы, относящиеся к пребыванию Куторги за границей в 1833—35 гг.; некоторые ценные сведения были получены мною в архиве Куторги²⁵, который хранится в отделе рукописей Ленинградской государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. В виду того, что Куторга

²¹ Бузескул, Всеобщая история, стр. 106. См. и Куторга, Борьба демократии с аристократией в древних эллинских республиках перед Персидскими войнами. Русский Вестник, 1875, ноябрь, стр. 5—61.

²² Григорьев, *op. cit.*, стр. 214.

²³ В дальнейшем: ЦГИА(Т).

²⁴ В дальнейшем: ЦГИА(Л).

²⁵ В дальнейшем: Архив Куторги.

не оставил автобиографии,²⁶ его личные записки и переписка имеют исключительно большое значение. К сожалению, ценные материалы, имевшиеся в свое время в архиве Куторги, затерялись еще до их перехода во владение Ленинградской публичной библиотеки.²⁷ Ценные дополнительные сведения для изучения работы Куторги в Профессорском институте дали хранящиеся в фундаментальной библиотеке Тартуского университета богатые рукописные фонды проф. Моргенштерна²⁸ и документальные материалы архива этой библиотеки.²⁹

Сознательная деятельность Куторги начинается в тот период, когда деятельность дворянских революционеров завершилась восстанием декабристов, и русское дворянство в условиях распада феодально-крепостнического строя окончательно превратилось в реакционный класс. Вместе с тем руководство русским освободительным движением перешло в руки разночинцев, революционных демократов. Куторга никогда не достиг уровня революционных демократов и, как будет показано ниже, по идеологической направленности примыкал к буржуазно-либеральным идеологам. По своему происхождению Куторга, бесспорно, разночинец. Как видно из генеалогических материалов, собранных им самим, Куторги проживали в городе Мстиславле и его окрестностях.³⁰ Так как среди Куторг XVI столетия имеются священники православной церкви, православными были его родители и он сам, то Куторг следует отнести к семьям белорусского происхождения.

В первые десятилетия XIX века Куторги чаще всего бывали мелкими чиновниками. К числу последних принадлежал и отец Куторги, который, согласно сохраняющейся в архиве Куторги выписке из метрики,³¹ во время рождения сына был канцелярским чиновником в городе Черикове, а в момент своей ранней смерти (в 1817 г.) имел лишь небольшой чин губернского секретаря.³² Наступившие после смерти отца материальные затруднения были, очевидно, скоро преодолены, так как Куторга поступил в Петер-

²⁶ См. Куторга, Неизданное, стр. 79. На вопрос своего племянника Куторга за несколько недель перед смертью ответил: «мне времени не было заниматься посторонним делом, автобиографии пишут люди, желающие себя прославить, я занимался только наукой».

²⁷ См. там же. По характеристике племянника Куторги, в них «... раскрывалась изо дня в день картина его жизни и работа мысли историка с 1828 г. ...». «... воскрешает быт членов Профессорского института и заграничное пребывание в тридцатых годах».

²⁸ В дальнейшем: Моргенштерн.

²⁹ В дальнейшем: архив библиотеки ТГУ.

³⁰ Архив Куторги: Бумаги, касающиеся рода Куторг: заключают в себе многочисленные, доходящие до 1540-ых годов, материалы и документы (в копиях), относящиеся к Куторгам, а также неупорядоченные черновики генеалогических таблиц о Куторгах XVIII—XIX вв.

³¹ Архив Куторги 4: «... у регистратора Симона Куторги ...»

³² ЦГИА(Т), ф. 402, д. 6, стр. 317b—318a.

бургский университет по окончании гимназии.³³ По словам самого Куторги, в Петербургском университете он учился полтора года.³⁴ Хотя его пребывание в Петербургском университете было более продолжительным, чем это можно было предположить до сих пор, оно едва ли принесло какую-либо пользу его развитию. После массового увольнения профессоров-либералов пресловутым мракобесом Руничем в 1821 г. чтение курсов истории было поручено Рогову и Крылову, весь круг знаний которых не превышал объема учебника для средней школы Кайданова.³⁵ Слушание лекций таких «профессоров» едва ли дало что-нибудь студентам, и поэтому те хорошие знания, с которыми Куторга пришел на экзамены для поступления в Профессорский институт,³⁶ были приобретены путем самообразования.

Мы дошли до важного этапа в развитии Куторги как прогрессивного ученого: его пребывание в Профессорском институте. Деятельность Профессорского института при Тартуском университете по-настоящему еще не изучена. Вздорные домыслы буржуазных авторов, в особенности Г. Шмидта³⁷ (работа его по обилию использованных им первоисточников является одной из наиболее ценных), которые изображают Николая I чуть ли не покровителем русской науки, выбор Тарту местом подготовки будущих профессоров «объясняют» тем, что в 1827 году за границей без вести пропал один из казанских профессорантов,³⁸ причем — что является самым важным — все в организации этого института объясняется взаимоотношениями руководящих личностей; такая трактовка лишь дезориентирует вместо выяснения вопроса. В этом отношении, к сожалению, не безупречны и советские труды, появившиеся в связи со 150-летием Тартуского университета.³⁹ Вместо того, чтобы взять в качестве исходной точки ленинское учение о двух культурах и учесть, что одним из важнейших секторов новой, прогрессивной культуры начиная со 2-ой четверти XIX века стала обоснованная разночинцами прогрессивная русская наука,

³³ Архив Куторги 4. Копия письма Куторги П. М. Шкляревскому, в котором Куторга пишет, что учился в течение 4 лет в гимназии вместе с сыном последнего. Низкий уровень обучения латинскому языку в Петербургской гимназии неоднократно упоминается в актах периода его пребывания в Профессорском институте.

³⁴ Архив Куторги, там же.

³⁵ Валк, *op. cit.*, стр. 4. Ср. и Григорьев, *op. cit.*, стр. 51, 55 и сл.; Примечания, стр. 24 (№ 199).

³⁶ ЦГИА (Т), ф. 402, д. 512, стр. 5: Выписка из протокола экзаменов при Академии наук показывает, что Куторга наравне с кандидатом Московского университета Шуманским, одновременно с ним поступившим в Профессорский институт, получил одинаковую общую оценку: «весьма надежен».

³⁷ G. Schmidt, *Das Professoren-Institut in Dorpat 1828—1838. Russische Revue. XIX (1881)* (= G. Schmidt. *Op. cit.*), стр. 136—166.

³⁸ Там же, стр. 159.

³⁹ Важнейшие из них: Э. Мартинсон, *Исторические связи Тартуского, б. Юрьевского университета с русской наукой*, 1951, и Любарский, *Свет русской науки*, 1952.

в этих трудах главное место уделено выяснению деятельности и характера отдельных лиц и их взаимоотношений. Автор замечательного плана подготовки русских ученых в Профессорском институте, академик Паррот, провозглашается без достаточных доводов реакционером, рупором Николая I и другом министра Ливена, что во всяком случае неверно. Тартуский университет рассматривается как реакционный центр, что также надо признать необоснованным, если учесть, что здесь не было таких реакционных мракобесов как Магницкий, Рунич и пр. Вместо того, чтобы оценить по должному Профессорский институт, как единственное в условиях царизма предприятие по плановой подготовке молодых ученых, а также учесть все нужные для успешного завершения этого предприятия предпосылки, авторы рассматриваемых трудов пускаются в рассуждения о том, что получилось бы, если бы подготовка профессоров была распылена между отдельными научными сотрудниками русских университетов и академий. Переоценивается также роль отдельных, исключительно даровитых воспитанников в осуществлении всего этого начинания. Почти не упоминается в этих работах о роли ректора Эверса в проведении в жизнь плана подготовки ученых. Эверс же был не только выдающимся ученым в области истории СССР, создавшим т. н. теорию родового быта,⁴⁰ но и лучшим, может быть, администратором по организации научной работы, который, будучи в 1818—1830 г. бессменным ректором Тартуского университета, сумел собрать в этом университете, по всей вероятности, наилучший в целой России профессорско-преподавательский коллектив. Мало того, Эверс воспитывал этот коллектив при помощи проведения больших плановых заданий, наиболее крупным из которых являлось налаживание планомерной учебы студентов из бывших воспитанников Петербургского воспитательного дома.⁴¹

Успешно сдав приемные экзамены, Куторга 21 июля 1828 г. был зачислен в Тартуский Профессорский институт, где намеревался заняться изучением истории. В первые десятилетия существования Тартуского университета историческая наука не являлась в нем одной из наиболее хорошо поставленных дисциплин. Правда, профессором русской истории⁴² был начиная с 1809 г.,

⁴⁰ См. об этой теории: Греков, Крестьяне на Руси, 1946, стр. 60; его же, Киевская Русь, 1953, стр. 74, и Косвен, Матриархат. 1948 (= Косвен, *op. cit.*), стр. 92 сл.

⁴¹ См. об этом богатейшие материалы: ЦГИА(Т), ф. 402, д. 212: *Berichte etc., betreffend die Zöglinge des kais. Erziehungshauses in St. Petersburg.* В число бывших воспитанников этого воспитательного дома входили: Смарагдов, впоследствии профессор высших учебных заведений и автор известных учебников по всеобщей истории; Федоров, профессор астрономии в Киевском университете, — зачастую неверно называемый воспитанником Профессорского института.

⁴² До 1820 г. имелись две профессуры: 1) истории, статистики и географии России, и 2) всеобщей истории, статистики и географии. Вследствие переустройства 1820 г. возникли профессуры: 1) истории и 2) географии и статистики. Однако профессора статистики и географии в следующие десятилетия почти постоянно читали и курсы истории.

уже известный нам Эверс, который был к тому же столь замечательным лектором, что тогдашние слушатели характеризовали его лекции обычно только выражениями «блестящие», «увлекательные» и пр. Плодом его педагогической деятельности явилось опубликование курса русской истории древнего периода, который считался в те времена лучшим учебным пособием.⁴³ Курс новой русской истории, появление в печати которого не могло осуществиться вследствие обремененности Эверса административной работой, привлекал многочисленных слушателей даже из числа лиц вне университета.⁴⁴ Хуже обстояло дело с профессурой всеобщей истории, оставшейся уже начиная с 1812 года на целые 16 лет вакантной.

В виду того, что заполнение кафедры всеобщей истории по многим причинам откладывалось на неопределенное время, в особенности в связи с катастрофическим падением курса рубля после Отечественной войны, которое вызывало передачу вакантных кафедр в порядке компенсации профессорам смежных дисциплин, профессор Эверс читал и курсы всеобщей истории. Так дело обстояло до 1826 года, когда вопрос о замещении профессуры истории вновь стал актуальным, ибо в этом году новым профессором географии и статистики был выбран и утвержден Блюм, а в связи с переходом Эверса на юридический факультет стало необходимым в срочном порядке заполнить и профессуру истории. Причиной этому отнюдь не могла быть перенагрузка административной работой и слабое здоровье Эверса, как это подчеркивается буржуазно-немецкими историками, но соображения организационного характера. История, которая до сих пор читалась в качестве вспомогательной дисциплины камералистам, юристам и т. д. становится в 20-ые годы предметом специального изучения студентами. Русские были первыми студентами-историками Тартуского университета. С 1823 по 1825 изучал здесь историю И. Иванов (бывший воспитанник Петербургского воспитательного дома), а его товарищ по воспитательному дому Смарагдов изучал в Тартуском университете историю начиная с 1827 года и кончил учебу в 1831 году первым кандидатом философии по специальности исторических наук.

В конце того же 1827 года стал перед университетом вопрос о подготовке в кратчайшие сроки к учебе в учреждаемом Профес-

⁴³ Geschichte der Russen, 1816.

⁴⁴ Как видно из соответствующего дела университетского архива (ЦГИА(Т), ф. 402, д. 333, стр. 45b—46a), где сохранились в подлиннике подписи слушателей I сем. 1817 г., курс новой русской истории был прослушан поэтом Жуковским (в подписи: Joukoffski). Зато не подтверждается в литературе о Жуковском и о Т. Боке мнение, согласно которому один из них якобы прослушал курс истории средних веков Эверса. Если прав Предтеченский (Современник декабристов. Т. Г. Бок. 1953, стр. 33), что Бок действительно пользовался конспектами Жуковского, то последний должен был прослушать этот курс еще в I полугодии 1814 года, что, однако, не подходит хронологически, поскольку Жуковский не проживал тогда в Тарту.

сорском институте. В этом плане одним из важнейших мероприятий было заполнение всех вакантных профессур, в том числе и должность профессора истории.⁴⁵ В то время как в архивном фонде университета имеются богатейшие и до сих пор не использованные материалы о более ранних попытках заполнения профессуры истории, буржуазные и немецкие историки заинтересовались вопросом о заполнении кафедры лишь в 1828 году. Интерес их был вызван тем, что кандидатом, с которым велись оживленные переговоры, был в 1828 году известный немецкий историк Леопольд Ранке. Рассмотрение и критика реакционных домыслов прибалтийско-немецких историков не имеет для нас в данной связи особого значения и будет проведено отдельно.

После отказа Ранке от кандидатуры был избран в марте 1828 года профессором истории Фридрих Крузе. В Тарту прибыл Крузе только в конце сентября и по обычаю того времени приступил к выполнению своих обязанностей в университете только в начале следующего семестра.⁴⁶ Поскольку профессора-руководители играли довольно значительную роль в подготовке будущих профессоров в институте, то прежде чем перейти к работе Курторги в Профессорском институте, следует охарактеризовать Крузе как ученого и профессора. Переоценка деятельности Крузе с точки зрения марксистской методологии еще не проделана, но нет сомнений в отношении того, что он не входил в число выдающихся и прогрессивных историков первой половины XIX века. Все его попытки дать широкие всемирноисторические концепции кончились принятием реакционных установок. Для выявления этих установок Крузе достаточно познакомиться с учебником по всеобщей истории для университетов „Atlas und Tabellen zur Übersicht der Geschichte“, составленным его отцом, редактором дополненных изданий которого был наш Крузе. Каково это пособие, которое Крузе называет «бессмертным трудом»⁴⁷, станет в достаточной степени ясно, если мы отметим, что в нем не упоминаются феодализм, восстание Спартака и Жакерия. Робеспьер назван «извергом» (Wüterich). В своих позднейших работах по археологии и древней истории Прибалтики Крузе защищает лженаучную «теорию» норманистов, вызывая тем справедливые, язвительные насмешки эстонских просветителей — демократов.⁴⁸

⁴⁵ См. ЦГИА(Т), ф. 402, д. 506, стр. 6а—7а: На философском факультете кроме истории была вакантна и кафедра химии, профессором которой был избран Гэбель.

⁴⁶ Там же, д. 506, стр. 6а + б.

⁴⁷ Atlas und Tabellen. Введение: "... unsterblichen Werkes meines seligen Vaters".

⁴⁸ См. Faehlmanni ja Kreutzwaldi kirjavahetus. 1936 (на эстонском языке), стр. 33; Фельман — Крейцвальду 11 мая 1849 года: «Неужели ты больше не роешься в могильниках... чьи кости там лежат: эстонского ли народа или варяжских привидений? Ты, конечно, читал в книге ученого мужа: и кости и украшения и оружие — все принадлежит этим привидениям. Все без исключения народы Севера Европы выбрали нашу страну для погребения своих покойников.»

Наиболее ценное дал Крузе в своих исследованиях в области греческих древностей и исторической географии древней Греции, где он мог показать свою огромную начитанность и неутомимое трудолюбие в обосновании положений данными письменных источников (в его отчетах в Профессорском институте это называется: „aus Quellen geschöpft“) и в мелочно-кропотливой критике этих источников (в тех же отчетах: „gesunde Kritik“). Таков был и его основной труд по истории древней Греции.⁴⁹ В изданных двух первых томах этого труда им разработаны вопросы, связанные с материковой Грецией. Для третьего тома, где предполагалось обсуждать вопросы исторической географии греческих островов и колоний, он начал собирать материалы уже до прибытия в Тарту и продолжать работать над ним по крайней мере до 1834 года,⁵⁰ используя для этого с особого разрешения тайные донесения русского военно-морского флота. Том этот остался, по всей вероятности, незаконченным и никогда не был издан. Произведение это („Hellas“) считалось в свое время образцовым в качестве исчерпывающего исследования.⁵¹

Деятельность Крузе как профессора протекала в рамках обычных в то время установок учебно-методической работы. К периоду организации Профессорского института уже давно канули в прошлое те времена, когда студентам предъявлялось лишь требование 3-х летнего их состояния в списках университета с рекомендацией прослушать некоторые лекции по выбору самого же студента, профессора же читали 6—8 лекции в неделю, но в выборе курсов не были связаны ни с учебным планом, ни с какими-нибудь программами, причем чтение объявленных курсов не контролировалось. Начиная с годового отчета 1820 года,⁵² попечитель затребовал отчетности о том, читались ли все объявленные курсы, с указанием причин их полного или частичного отпадения. Положением о присуждении ученых степеней 1819 года⁵³ (на философском факультете были ученые степени: действительного студента, кандидата, магистра и доктора) был определен минимум знаний, необходимый для присуждения ученой степени, и порядок, по которому для присуждения какой-нибудь высшей степени необходимо было иметь все предшествующие ей низшие степени. Для присуждения степени доктора наук, которой должна была завершиться учеба в Профессорском институте, согласно плану, выработанному Парротом,⁵⁴ необходимо было успешное завершение следующих испытаний экзамена на степень, называемого также «строгим экзаменом» („examen rigorosum“): а) в виде устного

⁴⁹ Hellas, oder geographisch-antiquarische Darstellung des alten Griechenlandes und seiner Colonien. В. I—II; 1825—1827 (= Kruse. Hellas).

⁵⁰ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 2050, стр. 151а + б.

⁵¹ См. биографию Крузе в „Allgemeine deutsche Biographie“. (= ADB) Т. 17, стр. 263: „... vortrefflich anerkanntes Werk...“

⁵² ЦГИА(Т), ф. 402, д. 502, стр. 18а.

⁵³ Там же, д. 505, стр. 99а—105б.

⁵⁴ См. Schmidt, op. cit., стр. 139 и сл.

экзамена, проводимого всеми профессорами факультета в пределах всех наук, преподаваемых ими, б) письменного экзамена в виде ответа на заданные 4 вопроса и в) предъявление диссертации на латинском языке и успешная ее защита. Этот порядок, однако, проводился с большими уклонениями. В этих условиях являлось крупным нововведением, стимулирующим повышение качества учебы и планомерное ее распределение, тот новый порядок, который был разработан и проведен в жизнь ректором Эверсом начиная с 1823 года для студентов, направленных в Тартуской университет из Петербургского воспитательного дома. Для каждого студента составлялся индивидуальный план 4-летнего обучения. В конце каждого семестра проводились экзамены по всем предусмотренным в плане дисциплинам; предусматривалось дополнительное обучение по тем дисциплинам, слабое овладение которыми могло бы сорвать выполнение установленного плана. К числу таких предметов принадлежали в первую очередь немецкий и латинский языки.⁵⁵

Богатый опыт, накопленный при проведении учебы студентов из Петербургского воспитательного дома, был полностью использован в организации Профессорского института, имевшего несравненно большее, общегосударственное значение. Для воспитанников Профессорского института, прибывших летом 1828 г. в Тарту, были по приказу ректора Эверса в октябре того же года составлены философским факультетом индивидуальные планы работ.⁵⁶ С конца I семестра (т. е. со II-го полугодия 1828 г.) начинаются экзамены по всем прослушанным дисциплинам, а также и семестровые отчеты профессоров и директора института, в которых дается подробный анализ работы воспитанников института. Прикрепление воспитанников к профессору-руководителю стало новым фактором в планомерной работе института, поскольку вследствие применения этой меры профессор был лично заинтересован в том, чтобы его воспитанники в назначенный срок получили бы ученую степень доктора наук и могли бы стать ординарными профессорами университета.⁵⁷

С той же целью были проведены по инициативе университета изменения в «Положении о производстве в ученые степени» 1819 года в том смысле, что степень магистра или доктора можно было присудить и воспитанникам, которые не имели предшествующих (действительный студент, кандидат и т. д.)⁵⁸ ученых степеней. Присуждение воспитаннику Профессорского института степени магистра или доктора ставилось в зависимость от объема

⁵⁵ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 212, стр. 14а и сл.

⁵⁶ Там же, д. 518, стр. 1а—4а.

⁵⁷ По плану Паррота (см. о том: Schmidt, *op. cit.*, стр. 139 и сл.) целью Профессорского института являлась подготовка ординарных профессоров.

⁵⁸ См. Петухов. Юрьевский бывш. Дерптский университет за сто лет его существования (= Петухов, *op. cit.*). Т. I, 1902, стр. 494; см. также ЦГИА(Т), ф. 402, д. 561, стр. 60а и сл.; там же, д. 14036, стр. 35а.

и основательности знаний, проявленных соискателями на экзаменах на степень. Изменяется также и характер экзаменов на докторскую степень: экзаменуемые проходят испытания уже не по всем преподаваемым на факультете дисциплинам, но лишь на основании списка главных и вспомогательных дисциплин, составленного по специальности экзаменуемых. Для историков главными науками считались: всеобщая история (древняя, средних веков и нового времени) и русская история; вспомогательными дисциплинами считались: хронология, география, статистика, классическая филология, история философии и наука классических древностей, причем при присуждении ученой степени решающее значение должны были иметь знания по главным дисциплинам.⁵⁹

С точки зрения успешного хода работ в Профессорском институте имело особое значение вопрос о знаниях и навыках его воспитанников в области филологии. Опыт со студентами из Петербургского воспитательного дома, а также и ложные концепции буржуазной неогуманистической педагогики подняли перед руководством Профессорского института вопрос о свободном (устном и письменном) владении его воспитанниками классическими (латинским и греческим), а также и немецким, на котором велось преподавание в институте, языками. Относительно легким оказался вопрос об овладении немецким языком. Лектор немецкого языка Раупах, которому было поручено заботиться об этом,⁶⁰ отзывается уже в конце I семестра работы института положительно о владении немецким языком большинством воспитанников, в том числе и о Куторге, и специальная учеба по части немецкого языка прекратилась в I семестре 1829 года.⁶¹

Гораздо более трудным был вопрос об «элегантном» (= изысканном), свободном, устном и письменном владении латинским языком, что стало истинным камнем преткновения для многих тогдашних студентов. На это обратил уже внимание Гассельблатт в своем исследовании о студентах, которым в Тартуском университете были присуждены медали на конкурсах работ. Он отмечает,⁶² что на конкурсах работ, объявленных университетом уже начиная с 1803 года, были собственно две награды I степени: золотая медаль и серебряная медаль с особым решением о печатании данной работы. При этом серебряная медаль присуждалась в качестве награды I степени за все работы без исключения, которые не были написаны на латинском языке. Если выпускники, магистранты и докторанты других факультетов, как видно из воспоминаний Пирогова,⁶³ преодолевали затруднения при составлении диссертации на изысканном латинском языке при помощи

⁵⁹ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 518, стр. 8а и там же, д. 14036, стр. 35а.

⁶⁰ Там же, д. 512, стр. 20а.

⁶¹ Там же, д. 512, стр. 98а + б: в отчете за I сем. 1828 г.

⁶² Hasselblatt, Ehrenlegion der 14.000 Immatrikulierten. 1893, стр. 7.

⁶³ Н. Пирогов, Севастопольские письма и воспоминания (= Пирогов, op. cit.). 1950, стр. 319.

своих товарищей, классических филологов, то в отношении историков требование владения «элегантной» латынью оставалось в полной силе. По части классической филологии предъявляемые им требования не ограничивались латинским языком. Нужно было настолько хорошо владеть греческим языком, чтобы свободно переводить с немецкого или латинского на греческий и обратно. Владение греческим языком и усвоение культурного наследия греков считалось наивысшей целью образования. Таков был неогуманистический идеал, классовая направленность которого еще не выявлена советской наукой. Как Медынский,⁶⁴ так и Фрумов,⁶⁵ занимавшиеся этим вопросом в последние годы, видят в неогуманизме прогрессивное учение, целью которого была реформа средней школы. Этим затушевывается классовый характер неогуманизма, его стремление к возведению средней школы как «школы ученых» („*Gelehrtschule*“) и университета на недостижимую для трудящихся масс высоту.⁶⁶ В Тартуском университете, где было много профессоров, владевших «элегантной» латынью, были позиции неогуманистов довольно сильны, хотя имелись и противники этого лжеидеала.⁶⁷

О значении и применимости порочного неогуманистического идеала велось в университете еще до основания Профессорского института, начиная с 1814 года, оживленные прения.⁶⁸ В то время, как один из столпов неогуманизма в университете, профессор Моргенштерн считал «элегантное» владение латинским языком предпосылкой всякой университетской учебы и предъявлял на приемных экзаменах студентам требования, которых сейчас профессора не решаются предъявлять даже оканчивающим отделения классической филологии, большинство профессоров-медиков мирились с варварской латынью диссертаций докторантов. Из влиятельных профессоров бывший ректор Паррот был того мнения, что естественные науки должны быть признаны равноправными с идеалом неогуманизма и при выдающихся достижениях в области естественных наук нужно отказаться в оценке их от мерок неогуманизма. Ту же точку зрения поддерживал по сути дела и Г. Эверс, который, к тому же отмечал, что при решении этого вопроса нужно учесть общепринятое в России мнение, по которому стремление к идеалу неогуманизма является бессмыслен-

⁶⁴ Е. М. Медынский, История педагогики. I. 1947, стр. 257.

⁶⁵ С. А. Фрумов, Западно-европейская школа XIX века (1800—1870). Очерки по истории педагогики. 1952, стр. 147 и сл.

⁶⁶ Эту классовую направленность неогуманизма, которую отказываются видеть советские историки-педагогики, признают даже буржуазные историки. См.: W. Moog, *Geschichte d. Pädagogik*. 3. B., 1933, стр. 145.

⁶⁷ См. об этом: W. Süss, *Karl Morgenstern*. B. II. *Acta et commentationes universitatis Tartuensis (Dorpatensis)*. B. Humaniora. XIX. 1930 (в дальнейшем: W. Süss, *op. cit.*), стр. 164—174.

⁶⁸ Автору этих строк не удалось получить из библиотеки Тартуского университета соответствующего тома (ДСХХII) рукописного наследия Моргенштерна. Нижеследующее дается по материалам, приведенным у Зюсса (W. Süss, *Op. cit.*, стр. 165 и сл.).

ной роскошью. Благодаря влиянию этих профессоров, за весь период их деятельности в Тартуском университете оценка научных трудов и достижений в общем не ставилась в зависимость от мерок схоластического идеала неогуманизма.

Учеба Куторги в Профессорском институте шла с самого начала весьма успешно. Отчеты за первый семестр (II полугодие 1828 г.) свидетельствуют об отличных оценках на экзаменах.⁶⁹ Второй профессор классической филологии, Франке, который, в отличие от Моргенштерна, проводит в своих требованиях по классической филологии резкую грань между классическими филологами и историками и не требует от последних «элегантного» владения латинским языком, удовлетворен достижениями Куторги в области классической филологии. Очевидно, в связи с сложившимися обстоятельствами и принимая в учет отличную успеваемость воспитанников Профессорского института, с ними не проводили специальных занятий по латинскому языку, хотя ректор Эверс для этого даже подыскал подходящего преподавателя.⁷⁰ Профессор Крузе был также доволен прилежанием и усердием своих учеников-историков. Под его руководством проходила разработка и оформление на латинском языке первых рефератов этих воспитанников.

В области подготовки будущих историков Крузе ни в коем случае не был новатором. Эта подготовка методически сводилась у Крузе: 1) к чтению общих курсов всеобщей (древний мир, средние века и новое время) и русской истории на основе курсовых руководств (напр. „Atlas und Tabellen”), 2) к проведению в конце каждого семестра экзамена по прочитанным курсам и 3) к организации практических занятий и дискуссий на т. н. „historico-practico” и „Disputatorio”. В чем эти последние отличались друг от друга, о том документальные материалы не дают точных и исчерпывающих данных. В виду того, что Крузе неоднократно упоминает необходимость развертывания диспутов в интересах все того же неогуманистского лжеидеала, можно полагать, что взаимосвязь и различия рассматриваемых методов сводились к следующему: „historico-practico” соответствует практическим упражнениям советских университетов, и представляет собой тщательную проработку первоисточников и специальной литературы по теме.⁷¹ В то же время по планам „historico-practico” воспитанники составляли на латинском языке письменные рефераты, на которые профессорами давались подробные отзывы. По плану II семестра 1828 года Крузе предполагал требовать от воспитанников-историков кроме одного семестрового реферата еще в каждые 3—4 недели по одному короткому реферату, но, по всем дан-

⁶⁹ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 512, стр. 96а—118б.

⁷⁰ Там же, д. 506, стр. 9а.

⁷¹ Там же, д. 512, стр. 209а: по древней истории; там же, д. 561, стр. 14а: по русской истории.

ным, ему не удалось осуществить этого плана,⁷² и в последующие семестры представлялись только семестровые рефераты. „Disputatorio” же означало обсуждение в виде дискуссии на латинском языке рефератов воспитанников. Из отчета Крузе⁷³ явствует, что на проведение дискуссии по одному реферату при участии в ней и самого руководителя им назначались два двухчасовых заседания. Семестровые рефераты, так же как их обсуждения, безусловно имели большое значение в подготовке специалистов-историков, и это в особенности еще и потому, что темы рефератов назначались по истории древней Греции и ее исторической географии,⁷⁴ по дисциплинам, в которых Крузе считался в то время лучшим знатоком. Участие Куторги в диспутах протекало с замечательным успехом. Если по поводу диспутов первого семестра, наряду с успешными выступлениями Куторги, отмечались в отчете недостатки в его собственном реферате, в особенности по части критики источников,⁷⁵ то уже в отчетах следующих семестров выражается безоговорочное признание его успехов, доходящее порой до прямого восхищения.

Из рефератов Куторги за эти семестры назовем в первую очередь его реферат о Троянском царстве, который был его первым самостоятельным научным трудом,⁷⁶ и реферат II семестра 1830 года о племенах древней Аттики, над которым он работает и в течение следующих двух лет (гг. 1831 и 1832), чтобы развить из него свою тартускую (латинскую) диссертацию 1832 года. Исследование Куторги о Троянском царстве, которое вызвало безоговорочное восхищение со стороны Крузе,⁷⁷ высказанное им в двух семестровых (за II сем. 1829 и I сем. 1830 года) отчетах и в специальном отзыве в апреле 1830 года по случаю предполагаемого представления этого труда Куторги министру народного просвещения. Труд этот, повидимому, не сохранился. Нет его ни среди документальных материалов Профессорского института,⁷⁸

⁷² ЦГИА(Т), ф. 402, д. 512, стр. 117а: согласно отчету в „Disputatorio”, обсуждался только один короткий реферат.

⁷³ Там же, д. 512, стр. 205б.

⁷⁴ Первой семестровой работой Куторги должен был быть реферат по истории Рима, о царе Тарквинии Приске, но эта тема, как видно из отчета Крузе за I семестр 1829 года, была заменена другой — „De Dorensium origine” (ЦГИА(Т), ф. 402, д. 512, стр. 117а и 205а).

⁷⁵ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 512, стр. 205б.

⁷⁶ Regni Troiani imprimis secundum Homerum descriptio. 80 стр. in-folio.

⁷⁷ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 526, стр. 24а и сл. и 26а + б „... die Arbeit als eine Erweiterung der Wissenschaft anzusehen ist...” В отчете за I сем. 1830 года (ibid., стр. 106а) он вновь возвращается к этому труду, отмечая: „... ich habe... nur das günstigste Urteil darüber fallen können.”

⁷⁸ В отчете Крузе за I сем. 1830 г. (ЦГИА(Т), ф. 402, д. 525, стр. 106а) отмечается, что особый экземпляр, снабженный картой, был представлен директору института для направления в Министерство народного просвещения; там же, стр. 278б, пишет Моргенштерн, что он возвращает это исследование Куторги для хранения в архиве института.

ни в собрании рукописей Моргенштерна.⁷⁹ Безрезультатными оказались также разыскания этого труда Куторги в фонде министерства народного просвещения, в Ленинградском центральном историческом архиве и в архиве Куторги. Вот почему единственным нашим источником, по которому мы можем судить об этом труде Куторги, являются вышеупомянутые отчеты Крузе. Из отчетов явствует, что Куторге удалось, при помощи конъюнктурной критики источников, используя для истолкования гомеровских текстов астрономические наблюдения, описания и картографические работы географов, уточнить расположение горных вершин: Котил и Гаргара.⁸⁰ Крузе, считавший себя исключительно хорошим знатоком такого рода исследований, очевидно, был особенно поражен тем, что Куторга смог даже внести уточнения в изданную самим Крузе карту древней Греции. Автору настоящего исследования не удалось установить, стало ли это выдающееся научное достижение двадцатилетнего Куторги известным в тогдашней науке, ибо возможно, что Крузе хотел сообщить об этом в III-ем томе своего „Hellas'a", который не был доведен до конца и издан.

Если этот труд Куторги и не стал известен науке, то он обеспечил ему всяческое поощрение со стороны Крузе, который организует ежедневные практические занятия по изучению первоисточников и литературы и проводит по субботам двухчасовые практические занятия в связи с курсом, который по плану читался воспитанникам.⁸¹ Куторге предоставляется возможность пользоваться не только литературой из университетской библиотеки, но и литературой, выписанной из Петербурга, Лейпцига и пр. Помимо того даются Куторге на использование выписки Крузе, сделанные им для своих собственных трудов.⁸² Заметные успехи делал Куторга и в области вспомогательных дисциплин, где даже придирчивый профессор географии и статистики Блюм неоднократно оценивал его познания на отлично.⁸³

⁷⁹ Моргенштерн, CCCXIVII. „Professoren-Institut": сохранилась лишь переписанная на бело рецензия Моргенштерна на эту работу Куторги.

⁸⁰ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 526, стр. 25а: в семестровом отчете за II сем. 1829 года: „Dadurch gelang es ihm, selbst Le Chevalier, Choiseul-Couffin und Barbie du Boccage zu berichtigen, durch die angewendeten astronomischen Beobachtungen Haultier's die Umrisse dieser Gegend zuerst richtig darzustellen und selbst die Dunkelheit zu zerstreuen, die trotz der Untersuchungen über Cotylus und Gargara noch geschwebt hatten"; и в апрельском отчете 1830 года (ibid, стр. 26b): „... indem noch keiner vor ihm, so viele astronomische Observationen und terrestrische Ortsbestimmungen als der Verfasser bei der Darstellung dieser Gegend mit Sorgfalt benutzt hat, die Charte von Le Chevalier, Hell, Renkel, Barbie du Boccage und Arrowsmith nicht ausgenommen."

⁸¹ Там же, д. 526, стр. 263а (в отчете за I сем. 1831 г.): „... fast, täglich eine Stunde aus den Originalquellen durchgenommen." Ibid., стр. 194b (в отчете за II сем. 1830 г.) двухчасовая Privatissima „... über die Quellen der Geschichte und der alten Geographie".

⁸² Ibid., стр. 106b: „... Was er aus meinen Manuskripten benutzen konnte, die ich in Berlin und Göttingen aus dort existierenden und hier ganz fehlenden Werken gesammelt habe."

⁸³ Там же, д. 526, стр. 21b.

Труд Куторги о Троянском царстве имеет значение и в том отношении, что в отзывах об этом исследовании поднимался также вопрос о необходимости повышения знаний и навыков его в области древних языков. Как было выше отмечено, специальная дополнительная учеба по латинскому и греческому языкам для воспитанников Профессорского института отпала, так как профессора классической филологии не сочли ее нужной.⁸⁴

С начала 1830-ых годов началось новое усиление позиций сторонников неогуманизма. В качестве академика уехал в 1826 году в Петербург Паррот, а в ноябре 1830 года умер ректор Эверс, трезвое отношение которых во многом ограничивало влияние неогуманистов и в университете. В том же 1830 году осенью умер профессор классической филологии Франке, который был вполне доволен успехами Куторги в области древних языков. В связи с этим обстоятельством надо принять во внимание, что деятельность Профессорского института в Тарту по плану должна была закончиться летом 1831 года, и после того университет по предписаниям министерства спешит с окончанием работы в институте. В мае 1832 года Куторга сдает экзамены на ученую степень, в ноябре представляет факультету свою диссертацию и в декабре защищает ее на заседании совета факультета.

Крузе, который был убежденным сторонником неогуманистического лжеидеала, первый указал на неподготовленность Куторги в этом отношении. Уже в первом своем отзыве об исследовании Куторги о Троянском царстве, он признает, что латинский язык этого труда с большими изъянами,⁸⁵ но высказывает при этом мнение, что это можно исправить путем интенсивного изучения древних языков. В отчете следующего семестра (I сем. 1830 г.) Крузе еще оптимистичен и находит, что новая семестровая работа Куторги написана уже на лучшем латинском языке.⁸⁶ Но суждения столпов неогуманизма, в особенности отзыв Моргенштерна о языке и стиле исследования Куторги, в которых игнорируется ценность содержания исследования и работа рассматривается лишь как упражнение в латинском языке, заставляет Крузе энергично действовать в интересах Куторги. Уже в конце января 1831 г. он требует, чтобы Куторгу (и его товарища по институту, Лунина) проэкзаменовали по классической филологии для проверки их подготовленности к «строгому экзамену», и упорно добивается введения специальных занятий по латинскому и греческому языкам.⁸⁷ Побуждает он также и самих воспитан-

⁸⁴ Кроме Франке был еще во II сем. 1829 года того же мнения Моргенштерн, хотя он был уже тогда знаком с каким-то рефератом Куторги, написанным на латинском языке. См. Моргенштерн, CCCXIVII, где имеется об этом черновая заметка, которая датирована 30 сент. 1829 г.

⁸⁵ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 526, стр. 26а: „Was aber die Latinität des Verfassers anbelangt: so ist diese noch sehr der Verbesserung bedürftig.“

⁸⁶ Там же, д. 526, стр. 106b.

⁸⁷ Там же, д. 526, стр. 172а и 187а + b.

ников энергично действовать в этом направлении.⁸⁸ При посредничестве директора Профессорского института Крузе ведет длительную переписку с Моргенштерном об этих специальных занятиях⁸⁹ и домогается, чтобы эти занятия проводились самим Моргенштерном. Из переписки явствует, что Моргенштерн считает для себя унижительным заниматься элементарным курсом латинской и греческой грамматики и стилистики и признает после экзаменования специальное обучение излишним. В странном освещении выступает во всем деле о присуждении Куторге ученой степени преемник Эверса в должности ректора Фр. Паррот (младший). То, что у него не доставало авторитета для выступления против домогательств неогуманистов, было еще не самым большим злом. Хуже было то равнодушие, с которым он отнесся к вопросу о специальной учебе, обосновывая это свое отношение в начале 1831 г. отсутствием средств у университета,⁹⁰ что едва ли было обоснованным, поскольку преподаватель, намеченный для этой работы Эверсом, К. Фрейтаг,⁹¹ был согласен провести это обучение за низкую почасовую плату.⁹² При этих обстоятельствах Куторге (и Лунину) было предписано совершенствоваться в древних языках в педагогико-филологической семинарии, работающей при университете под руководством Моргенштерна с целью подготовки учителей древних языков средней школы.⁹³

Работа в семинарии, которая продолжалась и в последующие семестры, не смогла дать должных результатов, и в начале II-го семестра 1831 г. Моргенштерн делает предложение организовать под руководством К. Фрейтага специальное обучение латинскому и греческому языкам.⁹⁴ Фрейтаг руководил этими занятиями лишь в течение двух семестров⁹⁵ и достиг в учебе настолько хороших результатов, что уже в отчете за II-ой семестр 1831 г. Моргенштерн высказывает свое полное удовлетворение относительно сделанных успехов.⁹⁶

При таких обстоятельствах являлось до известной степени неожиданным возникновение в 1832 году вопроса о присуждении Куторга ученой степени („Kutorgas Grad-Angelegenheit“). Перед тем, как приступить к обсуждению этого вопроса, необходимо сказать несколько слов о ведущих неогуманистах в университете в начале 1830-ых годов. Моргенштерн, который в предшествующие десятилетия был знаменосцем этого неогуманисти-

⁸⁸ См. письмо Моргенштерна от 19 февр. 1831 г. по этому делу к директору Профессорского института (ЦГИА(Т.), д. 526, стр. 188b).

⁸⁹ Там же, стр. 187a + b; 188a—189; 202a + b.

⁹⁰ Там же, д. 526, стр. 182b.

⁹¹ Он был впоследствии долгие годы профессором классической филологии Петербургского университета.

⁹² ЦГИА(Т), ф. 402, д. 506, стр. 9a.

⁹³ Там же, стр. 172a; 187a—189b.

⁹⁴ Там же, стр. 242b.

⁹⁵ Там же, д. 561, стр. 20a + b; 68a + b.

⁹⁶ Там же, д. 561, стр. 10a.

ческого лжеидеала, рано одряхлел и превратился в послушное орудие в руках умелых интриганов, которые сумели подсовывать ему свою точку зрения.⁹⁷ Таким интриганом, использующим Моргенштерна, чтобы провести гонение на все новое, прогрессивное, и для личной мести, был профессор географии и статистики Блюм. У него уже в начале первого семестра 1831 года был по каким-то причинам конфликт с воспитанниками Профессорского института, которые отказывались посещать его курс лекций о Демосфене.⁹⁸ Этот отказ воспитанников вызвал сильное негодование у мстительного и мнительного Блюма, которое почему-то направлено в особенности против Куторги. Работа Куторги о Троянском царстве, вызвавшая вполне обоснованное восхищение у Крузе, называется Блюмом притом настолько убогой, что за нее в Германии гимназист был бы переведен из секунды обратно в терцию.⁹⁹ В связи с этим конфликтом Блюм натравливает Моргенштерна на Куторгу, но пока безрезультатно.

В мае-июне 1832 г. Куторга сдавал экзамен на степень, который должен был иметь решающее значение в присуждении ученой степени, поскольку получаемыми на экзамене оценками предreshался вопрос о присуждении воспитаннику института ученой степени доктора или магистра наук. Об обсуждении этого вопроса на факультете дают обильные данные затребованные деканом письменные вотумы профессоров, которые, по обычаю того времени, заменяли обсуждение вопроса на заседании совета факультета. В своих вотумах Крузе доказывал на основании сравнительной таблицы оценок, полученных воспитанниками института на «строгом экзамене», что Куторга лучше всех сдал экзамены и только по двум вопросам дополнительных для него дисциплин Моргенштерна получил наиболее низкие оценки „satis bene”, что Моргенштерн переведил, как «довольно хорошо».¹⁰⁰ Не осталась безрезультатной для Куторги интенсивная работа по грамматике и стилистике древних языков. Составленные на латинском языке письменные ответы по древней истории, хотя их надо было составить в очень короткий срок времени,¹⁰¹ были с точки зрения языка настолько безупречными, что Моргенштерн признал их почти хорошими.¹⁰² По указанным обстоятельствам приобрел центральное значение в вопросе о присуждении Куторге ученой степени новый конфликт с проф. Блюмом и оценка, которую дал проф. Блюм на экзаменах по своим вспомогательным дисципли-

⁹⁷ См. об этом (на основании воспоминаний Андерса и др. материалов): W. Süß, *op. cit.*, в особенности, стр. 178 и сл.

⁹⁸ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 526, стр. 174а + б.

⁹⁹ Нумерация классов гимназии началась с шестого (*sexta*) класса и кончалась первым (*prima*) классом. Секунда и терция были по этой нумерации пятым и четвертым классом.

¹⁰⁰ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 14036, стр. 35а.

¹⁰¹ Там же, д. 14036, стр. 31b — Куторга пишет в конце своей работы: „... quae de variis reipublicae formis tam breve tempore dici poterant.”

¹⁰² Там же, д. 14036, стр. 35а.

нам (статистика и география). В актах не отражены подробности этого нового конфликта между Куторгой и Блюмом. Конфликт этот произошел, очевидно, на базе борьбы реакции против нового, прогрессивного и высказался в критическом отношении Куторги к профессору-реакционеру, переоценивающему свои познания и авторитет. Это видно из необычной общей характеристики Куторги в сводном отчете за I семестр 1832 г.¹⁰³ (т. е. за семестр, когда происходил конфликт между Куторгой и Блюмом): В ней говорится, что Куторга имеет слишком высокое мнение о своих убеждениях и о своих умственных способностях. Вследствие этого конфликта Блюм оценивает ответы Куторги на все экзаменационные вопросы одной и той же отметкой «хорошо», что не встречается больше в экзаменационных актах 1832 года в оценках ни у одного экзаменатора (в том числе и у самого Блюма) по отношению к другим воспитанникам. По случаю этой несправедливой оценки со стороны Блюма нужно учесть, что он на семестровых экзаменах оценивал познания Куторги по тем же дисциплинам на «отлично» и что среди вопросов экзамена на степень был легкий для Куторги вопрос об исторической географии Геродота, который он досконально изучил в связи с предшествующими своими научными работами. Верхом несправедливости было примечание Блюма к экзаменационному протоколу,¹⁰⁴ согласно которому отметки «хорошо» поставлены в качестве оценки знаний Куторги на экзамене. Способ же изложения этих познаний будто бы показывал отсутствие у него способности суждения. Это примечание Блюма и стало в вотах профессоронегуманистов факультета основным аргументом против предложения Крузе присудить Куторге степень доктора наук и в пользу сделанного Моргенштерном предложения присудить ему степень магистра.¹⁰⁵ Неудачной оказалась и попытка Моргенштерна обосновать свое предложение тем, что Куторга получил от него отметки «довольно хорошо», так как было доказано, что Моргенштерн не раз выставлял такие отметки классическим филологам по тем же (для филологов притом основным) дисциплинам и этим филологам решено было дать степень доктора наук.¹⁰⁶ Вот почему и нам не остается ничего иного, как присоединиться к мнению беспристрастного и трезвого участника этой дискуссии, знаменитого профессора астрономии В. Струве, который пишет в своем воте, что он не видит никаких доводов, на основании которых

¹⁰³ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 561, стр. 78а. Обычно сводный отчет повторяет коротко, по возможности дословно, текст семестровых отчетов профессоров. Для вышеприводимой характеристики не дают отчеты профессоров никаких данных.

¹⁰⁴ Там же, д. 14036, стр. 10а.

¹⁰⁵ Там же, стр. 34а + б.

¹⁰⁶ Степень доктора наук получил и владевший «элегантным» латинским языком историк М. Лунин, несмотря на то, что он по одному вопросу получил от Моргенштерна отметку «удовлетворительно» („по male“).

можно было бы отказаться от присуждения Куторге степени доктора наук.¹⁰⁷

При попустительстве ректора Паррота Блюму как декану факультета удалось провести предложение неогуманистов простым большинством голосов на совете одного из отделений философского факультета.¹⁰⁸ Результатом этого несправедливого по отношению к Куторге решения факультета было возникновение т. н. дела «о присуждении Куторге научной степени» в виде повторных ходатайств об изменении этого решения. Эти ходатайства обсуждаются в совете факультета уже начиная с октября 1832 года. Куторга, который 15-го декабря защитил свою диссертацию, представил в январе 1833 года два прошения,¹⁰⁹ в которых он заявляет свое желание отказаться от специальности (древняя история), чтобы вместо заграничной поездки подготовить в течение одного года в Петербурге под руководством академика Круга докторскую диссертацию по русской истории. Единодушно отклонив эти прошения Куторги, факультет направил его за границу для работы по избранной специальности и совершенствования в классической филологии. Из материалов, которые были в моем распоряжении, не видно, какие именно были у Куторги связи с академиком Кругом и что он еще предпринял, чтобы за счет времени заграничной командировки поработать в Петербурге. О прочности этих связей можно судить по тому, что Куторга в мае 1833 года все еще надеялся переехать в Петербург.¹¹⁰

Своеобразным моментом затянувшегося на столь долгий срок обсуждения вопроса о присуждении Куторге ученой степени является то, что в нем ни разу не упоминается его диссертация. Между тем именно эта работа была в течение многих десятилетий признана одним из основных трудов по истории древних Афин.¹¹¹

¹⁰⁷ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 14036, стр. 35б.

¹⁰⁸ Философский факультет делился на I-ый и III-ий (историко-филологические) классы и на II-ой и IV-ый (в основном физико-математические) классы. Решение о присуждении степени магистра было не без умысла проведено на совете I-го и III-го классов, после того как производилось не предвещающее для неогуманистов ничего хорошего представление письменных вотумов профессорами всего факультета.

¹⁰⁹ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 518, стр. 31б; д. 561, стр. 204а + б.

¹¹⁰ См. архив Куторги 5: в неоконченном письме из Берлина от 8 июня 1833 года, написанном, по всей вероятности, старшему брату — Степану Семеновичу Куторге (С. С. Куторга учился одновременно с братом в Профессорском институте в Тарту, но за границу в 1833 году не поехал из-за участия в биологической экспедиции на юге России), Куторга пишет, что заграничная командировка «для меня была неожиданностью в высшей степени, ибо я надеялся уехать в Петербург...»

¹¹¹ См. Бузескул, Всеобщая история, стр. 101: Бузескул безусловно прав, утверждая, что эта работа была «...долгое время одной из основных...» Из списка приводимых Бузескулом авторов, которые это утверждают, нужно выключить Бузольта, поскольку он (см. Busolt, Griechische Geschichte II, 1895, стр. 66) диссертацию Куторги приводит только в списке трудов, имеющих историческое значение. По данным переписки Куторги с друзьями, ими особенно ценились в этом отношении высказывания: Хаазе

Исследования о племенах древней Аттики были в течение долгого времени главным объектом работы Куторги, и этими работами он завоевал общее признание в современной ему науке. Первой сводкой этих исследований и была латинская тартуская диссертация, в которой, опираясь на данные остроумной и умелой конъектурной критики ономастика Поллукса, он доказывает, что названия 4 племен древней Аттики, которые у Поллукса связываются с именами мифологических королей, следует рассматривать, как основные названия этих племен; как названия по округам, которыми они завладели; как названия по божествам, которым они поклонялись и пр. На первый взгляд кажется странным, что такой специалист с громадной эрудицией, каковым был Крузе, который в свое время восхищался исследованием Куторги о Троянском царстве, умолчал о работе, имеющей столь большое значение для науки того времени. Для уяснения этого следует напомнить, как сам Крузе трактовал вопрос о древнеаттических племенах в своем основном труде.¹¹² Там названия древнеаттических племен приводятся, как какие-то элементы различных мифов, без малейшей попытки выяснить историческое, научное значение этих элементов. Ясно, что Крузе, который признавал исследования Куторги только с точки зрения буржуазного эрудита, не смог понять значения нового и ценного в достижениях своего ученика. Удивительным может показаться и то, что диссертация Куторги так мала по своему объему — всего 48 страниц.¹¹³ Здесь нужно учесть, что пути неогуманизма не позволяли диссертантам того времени расписаться вширь и довести свой труд до естественных, как нам кажется, размеров. Во всяком случае, ученых того времени не удивляли столь малые размеры даже выдающихся по содержанию трудов, каковой была и диссертация Куторги. Объем в 48 страниц была предписана министерством народного просвещения, которое лишь в таких размерах соглашалось покрыть расходы печатания.

К проблемам, развитым в диссертации, Куторга снова возвращается в своей статье, напечатанной на немецком языке в журнале Петербургской академии наук в 1851 г.¹¹⁴ Здесь он пока-

(в «Athenische Stammesverfassung», 1857. См. Стасюлевич — Куторге 3 авг. 1857 г. Стасюлевич, *op. cit.*, стр. 271) и известного классического филолога Лобека (Прейсе—Куторге, 27 апр. 1840 г. Материалы истории славяноведения. 1892, стр. 25).

¹¹² Крузе, *Hellas I*, стр. 503 и сл.

¹¹³ ЦГИА (Т), ф. 402, д. 526, стр. 318a + b: Из этих материалов явствует, что факультет намеревался затребовать: 1) сводку труда в размере 3-х печатных листов, которая должна была быть напечатана, и 2) полную рукопись работы. Но у нас нет никаких данных о том, что это решение о представлении полной рукописи было бы официально утверждено. Во всяком случае ее ни от кого не требовали и диссертантами представлялась только рукопись (с приложением к ней тезисов), предназначенная для печати.

¹¹⁴ Beiträge zur Erklärung der vier ältesten attischen Phylen. Bulletin de la classe historique-philologique de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg. VIII. 1851. pp. 87—96.

зывает, опираясь на вновь открытые эпиграфические надписи, что гипотеза, выдвинутая им в диссертации 1832 года, доказана. Труды Куторги первых лет его пребывания в Петербурге¹¹⁵ углубляют и развивают дальше ту сравнительно-историческую концепцию, которая установилась у него, как будет показано ниже, под влиянием Гизо уже в Тарту и которая впервые им была сформулирована в диссертации 1832 года.¹¹⁶ Следствием этой упорной работы было учение Куторги о расовой (классовой) борьбе, как об основном факторе в развитии древних Афин, которое он развил в своей петербургской диссертации 1838 г. Развернутый анализ этого учения не входит в рамки настоящего исследования. Так как концепция классовой борьбы, эта наиболее прогрессивная теория буржуазной историографии I половины XIX века, была развита Тьерри и даже Гизо только в отношении истории французского и отчасти английского народа в условиях феодализма,¹¹⁷ то попытка Куторги применить это учение на основании развитого им сравнительно-исторического метода к объяснению развития рабовладельческого строя поднимало это учение на новую, высшую ступень. Что это учение не нашло должного отклика у историков античности того времени, увязших в изучении мелочей и превозносивших класс античных рабовладельцев и достижения его культуры, понятно без дальнейших объяснений.

С точки зрения марксистской методологии эта основная историческая концепция молодого Куторги, конечно, неверна. Возникшая в тот период развития буржуазной науки, когда последняя делала лишь свои первые шаги на пути исследования данного вопроса,¹¹⁸ трактовка Куторги неизбежно должна была быть ошибочной. Как показывает Энгельс, главным недостатком буржуазной исторической теории того времени было то, что буржуазные историки в роде «... видели... группы семей и в силу этого не

¹¹⁵ «Политическое устройство германцев». 1837 и «Колена и сословия аттические», 1838. Последнее исследование было, как показано выше, докторской диссертацией Куторги. Оба эти исследования настолько тесно связаны друг с другом, что во французском переводе (см. М. Koutorga. Essai sur l'organisation de la tribu, 1839), они издавались вместе в одной книге.

¹¹⁶ В виду того, что в историографической литературе о Куторге нет никаких упоминаний о сравнительно-исторических установках Куторги до его заграничной командировки и диссертация 1832 г. стала совсем малодоступной, поскольку она имеется только в больших книгохранилищах, приводим два первых тезиса этой диссертации (М. Koutorga, De antiquissimis tribubus atticis. 1832, стр. 47): „I. Populorum historiam considerantes, intellegimus, omnes populos secundum leges quasdam certas ut ad rem litterariam, ita ad rem publicam exoli atque varias emetiri, vitae periodos, sive aetates; quae leges quia immutabiles sunt, periodi etiam, sive aetates ita necessariae sunt atque stabiles, ut nulla gens eas migrare possit. II. Haec vero leges quia omnibus gentibus communis sunt, omnium gentium res publica aequaliter excolitur, quamvis singularum rerum species varia sit. Quae leges historicam constituunt veritatem, eas vero ediscere summus historici finis est.

¹¹⁷ См. Алпатов, *op. cit.*, стр. 54—131.

¹¹⁸ См. об этом в особенности: Косвен, Матриархат, 1949, стр. 86—105.

могли понять природу и происхождение рода»,¹¹⁹ старались показать, что «... моногамная отдельная семья... была тем ядром, вокруг которого постепенно кристаллизировалось общество и государство».¹²⁰ Порочной и глубоко неверной, наконец, является и та основная установка теории классовой борьбы, по которой возникновение новой антагонистической формации сводится к единовременному акту завладения территорией какой-либо страны племенем (расой) завоевателей, которое тем самым становится господствующим классом, порабощающим туземные племена, в то время как нам известно, что возникновению новой формации предшествует длительный процесс развития новых производственных отношений в рамках старой формации и актом перехода к новой формации является не какое-нибудь завоевание, а революция трудящихся масс.

Закончив этим рассмотрение вопроса о диссертации Куторги, постараемся сделать сводку о значении тартуского периода в развитии нашего Куторги. Порочная и ошибочная во многом буржуазная историография о Куторге права, выдвигая в качестве наиболее выдающегося достижения его диссертация 1832 года. Достижения Куторги, как мы видели, не ограничились этой диссертацией, и ей предшествовала работа о Троянском царстве, которую следует считать первой выдающейся научной работой Куторги. Здесь в Тарту из Куторги сформировался мастер исследования истории древней Греции, который умел соединять исчерпывающее использование данных первоисточников и литературы с выдвижением и разработкой новых смелых гипотез. То, что он уже в тартуский период перерос не только своего руководителя Крузе, но и большинство других современных ему немецких ученых, видно из того, что он не считал нужным работать за границей под руководством какого-либо специалиста по античной истории. Это сознание превосходства было характерно для него до конца жизни.¹²¹ В Тарту Куторга заложил основание своей обширной эрудиции. Для ученика Крузе было совершенно естественно, что он исчерпывающе знал первоисточники и историческую науку об античности. Письменные работы на «строгом экзамене» 1832 года показывают кроме того его более чем основательные знания в области русской истории.¹²²

Одной из наиболее порочных установок буржуазной историографии о Куторге является впервые сформулированное Бауером и вслед за ним без нужной проверки повторяемое и другими авторами утверждение о том, что будто бы лишь за границей Куторга познакомился с учением Нибура и там усвоил сравнительно-

¹¹⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения II, 1948, стр. 242.

¹²⁰ Там же, стр. 243.

¹²¹ См. о том: Бузескул, Введение, стр. 304, ср. и Бузескул, Всеобщая история, стр. 108.

¹²² ЦГИА(Т), ф. 402, д. 14036, стр. 21а—24б.

исторический метод и учение его школы, так как это учение Нибуrowsкой школы было совершенно неизвестно в Петербурге и было будто бы мало известно в Тартуском университете.¹²³ К сожалению, в этом отношении не безупречно и новейшее исследование о Куторге.¹²⁴ Вместо того, чтобы доказать, что Куторга не был сторонником метода Нибура, автор этого очерка, Алпатов, приводит в качестве доказательства отличия историографических установок молодого Куторги от сравнительно-исторического метода Нибура данные, извлеченные из написанных в старости и посмертно изданных трудов Куторги, а то, что Куторга усвоил и развил дальше учение Гизо, «доказывается» лишь указанием на запись в дневнике Чернышевского от 1848 года, что также ничего не доказывает. Сторонники этой порочной установки Бауера могли бы сами убедиться в несостоятельности этого утверждения, если бы они бегло познакомились с диссертацией 1832 г., в которой Куторга, не только многократно цитируя и ссылаясь на труды Нибура и его (а также Бека) лучших учеников, показывает исчерпывающее использование этих работ, но в последнем (VIII-ом) тезисе¹²⁵ даже высказывает свое отрицательное отношение к известному учению К. О. Миллера об автохтонности греческой культуры. Еще яснее станет необоснованность этого утверждения при ознакомлении с экзаменационными материалами Куторги, из которых видно, что Куторга не только цитирует труды Нибура и его школы, но и отвечает на заданный ему специальный вопрос об учении Нибура.¹²⁶ Неправильность этого утверждения историографии о Куторге, наконец, явствует и из того, что сам Куторга в пятом тезисе, приложенном к диссертации 1832 г., называет в первую очередь Гизо историком, который, по его мнению, как основоположник сравнительно-исторического метода далеко превосходит всех прежних историков.¹²⁷ Что Нибура был не только хорошо известен в Тартуском университете, но его «Римская История» (т. I и II) усердно изучалась даже рядовыми студентами, видно из ведомости о выдаче книг из библиотеки.¹²⁸ Из ее материалов явствует, что Нибура был в годы пребывания Куторги в Тарту наиболее изучаемым автором-историком. Те же материалы показывают, что из ведущих историков именно Гизо был мало известным автором в Тартуском универси-

¹²³ Григорьев, *op. cit.*, стр. 214.

¹²⁴ Алпатов, М. С. Куторга, стр. 475 и сл.

¹²⁵ Kutorga, *De antiquis tribubus atticis*, стр. 48.

¹²⁶ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 14036, стр. 2а: Вопрос Моргенштерна: „Niebuhrii quaedam potissimum sunt merita de Antiquitatibus Romanis? Quibusnam maxime in rebus conspicua?“ с оценкой „intelligenter responsit“.

¹²⁷ Kutorga, *op. cit.*, стр. 48: V: „Igitur recentissimi historici: Quizotius in opere: Histoire de la civilisation en France Hallamus in medii aevi historia et nonnulli alii qui leges, quarum in prima nostra atque secunda thesi mentio fit, operibus suis explicarunt, quique singularum rerum gestarum inter se et cum tota re publica nexum sive concentium monstrarunt, omnibus antiquis historicis superiores sunt.“

¹²⁸ Архив библиотеки ТГУ 215.

тете, поскольку оба его основные труды¹²⁹ брал для изучения только Куторга, и кроме него по одному разу этими трудами пользовались два профессора.

Когда в мае 1833 г. Куторга уезжал из Тарту в заграничную командировку, он был уже не юношей, ищущим себе руководителя для дальнейшей работы, но рано сформировавшимся ученым, радующимся освобождению от того гнета и воздействия, которому он подвергался в Тарту.¹³⁰ В полном соответствии со всем ранее изложенным составил Куторга летом 1833 г. по прибытии в Берлин свой план работ на время заграничной командировки.¹³¹ По этому плану Куторга намеревался: 1) посетить по возможности все лекции по истории, читаемые в Берлинском университете, чтобы познакомиться с учебными методами профессорско-преподавательского состава, 2) наладить личный контакт с этими профессорами (для той же цели) и 3) работать в королевской библиотеке, изучая литературу и первоисточники.

Прежде чем перейти к рассмотрению существа занятий и работ Куторги во время заграничной командировки нужно разобраться в путанице правды и неправды, которую в виде списка городов и университетов, где работал и жил Куторга во время заграничной командировки, дают все без исключения буржуазные и вслед за ними и советские авторы. И на этот раз путаницу в историографии о Куторге создал Бауер,¹³² по формулировке которого Куторга слушал лекции в Париже, Гейдельберге, Мюнхене, а главным образом в Берлине. В несостоятельности этого утверждения Бауер мог бы сам убедиться, если бы он обратил внимание на четкое и ясное объяснение самого Куторги, данное в предисловии труда, над составлением которого он работал во время заграничной командировки.¹³³ В нем Куторга пишет, что он работал в библиотеках Берлина, Вены и Мюнхена и его заграничная командировка ограничилась пребыванием в Германии (т. е. в Германском союзе).

По этому вопросу можно получить полную ясность при помощи архивных материалов. Из них видно, что вопрос о месте работы во время заграничной командировки, которая по плану Профессорского института должна была длиться два года, стал актуальным во II сем. 1832 года. Тогда именно факультет решил по предложению Крузе направить воспитанников-историков в Лейпциг и

¹²⁹ „Histoire de la civilisation en Europe” и „Histoire de la civilisation en France”.

¹³⁰ В цитированном выше письме к брату от 8 июня 1833 г. он говорит: «... странная судьба моя: в Дерпте все меня теснили, гнали, но только лишь я выехал из него, как будто величественно все переменялось».

¹³¹ ЦГИА(Л), ф. 733, д. 45690, стр. 83а.

¹³² Григорьев, *op. cit.*, стр. 214.

¹³³ М. Куторга, Политическое устройство германцев, стр. 2: «Двух-летнее пребывание мое в Германии доставило мне драгоценные материалы для этого предприятия, особенно в библиотеках Берлина, Вены и Мюнхена...»

Геттинген.¹³⁴ В дальнейшем, однако, выясняется, что министр Ливен считал запрос университету по этому делу за чистую формальность и вопрос этот еще до прибытия ответа университета в Петербург был на основании доклада министра решен царем таким образом, что местом работы во время командировки был назначен Берлин.¹³⁵ Ректор Паррот не имел достаточного авторитета, чтобы провести изменения в решении университета по этому вопросу, согласно «видам» высшего начальства, и поэтому вопрос этот окончательно был сформулирован университетом так: в Лейпциг и Геттинген или Берлин.¹³⁶ По предписанию министра, всех воспитанников Профессорского института направили из Тарту в Берлин.¹³⁷ В Риге произошли изменения в дальнейшем пути в том смысле, что Куторге, по его словам, пришла идея ехать в Берлин морем через Копенгаген, и он уговорил ехать вместе с ним группу товарищей по институту.¹³⁸ Пребывание в Копенгагене было довольно продолжительным, так как Куторга там посетил библиотеки и музеи, познакомился с профессорами университета и даже прослушал несколько их лекций на латинском языке.

В Берлин Куторга прибыл, очевидно, в начале июня 1833 г.¹³⁹ и проработал там до конца зимнего семестра 1834/35 г., причем, как будет показано ниже, только один раз покинул Берлин приблизительно на 3 месяца. Выбор Берлина для места работ во время заграничной командировки воспитанников Профессорского института не был прихотью царского бюрократа, министра Ливена, но всесторонне продуманным шагом со стороны реакционного царского режима для предотвращения «заражения» этих воспитанников либеральными идеями. В этом отношении для царской власти были неприемлемы из-за июльской революции 1830 года и последующих революций в Ганновере и Саксонии не только Париж, но и Геттинген и Лейпциг.

В Берлине воспитанников ожидали строжайший надзор и раз-

¹³⁴ ЦГИА(Т), ф. 402, д. 518, стр. 20а: 18 октября 1832 г.

¹³⁵ Там же, стр. 26а + b: в письме ректора из Петербурга от 5 ноября 1832 г.: „... fürs Erste nur Berlin zu wählen sei...“ с модификацией для математиков: „... nötigenfalls ausserdem auch Königsberg“ и для медиков: „... vielleicht noch Wien zu besuchen gestattet werden würde“.

¹³⁶ Там же, д. 518, стр. 209b.

¹³⁷ Там же, стр. 332а: 3 мая 1833 года.

¹³⁸ Архив Куторги 5. Письмо к брату, С. С. Куторге от 8 июня 1833 г. См. также семестровый отчет Куторги министру народного просвещения от 19 дек. 1833 г. (ЦГИА(Л), ф. 733, д. 45690, стр. 83а). В эту группу воспитанников по всей вероятности входили: Н. И. Пирогов, описавший переезд из Риги в Копенгаген в своих воспоминаниях (Пирогов, *op. cit.*, стр. 349 и сл.), и историк М. Лунин, который в связи с этим пребыванием в Копенгагене мог быть избран членом общества северных антиквариев (см. Бузескул, *Всеобщая история*, стр. 82, прим. I).

¹³⁹ Уже во упомянутом много раз неоконченном письме к брату от 8 июня 1833 г. он пишет о путешествии в Берлин, как о чем-то только что законченном. Само письмо написано на почтовой бумаге с фронтисписом здания Берлинской королевской библиотеки, которую Куторга мог купить во время первых посещений этой библиотеки.

ветвленная система слежки. Особенно строго следили, между прочим, за тем, чтобы никто из воспитанников даже во время каникул не покинул бы Берлин.¹⁴⁰ В Берлине воспитанников ждал в качестве надзирателя, выбранного Ливеном, ханжа, обскурант и низкопоклонник царского правительства проф. Кранихфельд.¹⁴¹ К счастью, надзирательство Кранихфельда продолжалось всего около полугода, а его преемник генерал Мансуров по лености своей ограничивался лишь составлением наиболее необходимых отчетов и писем министру народного просвещения.

Работа в Берлине не удовлетворяла Куторгу, и у него возник в связи с этим конфликт с начальством в зимнем семестре 1833/1834 г. В декабре 1833 г. он представляет свой семестровый отчет, в котором выражает разочарование относительно условий работы в Берлине и просит разрешения переехать на работу в Мюнхен и Париж, причем последний из них называется важнейшим центром исторической науки в Европе.¹⁴² Это мнение, отражающее сложившиеся у Куторги во время учебы в Тарту убеждения, что труды Гизо, Тьерри и других представителей школы классовой борьбы являются высшим достижением исторической науки, вместе с пожеланием переехать на работу в Париж было встречено в министерстве народного просвещения с неприязнью и растерянностью, и вопрос так и не был решен.¹⁴³ Разочарованный безрезультатностью предыдущего прошения, Куторга в апреле 1834 года подает новое прошение,¹⁴⁴ в котором под предлогом оказания помощи своей матери в хозяйственных делах высказывает свое желание переехать в Петербург, чтобы работать там под руководством академика Круга по русской истории; в этом было также отказано. Очевидно, в какой-то связи с этими обстоятельствами ему было разрешено Мансуровым до конца летнего

¹⁴⁰ Учебный год в университетах Германии подразделялся на летний семестр, который начинался 1-го мая, и зимний, начинавшийся 1 ноября. Каникулы между семестрами продолжались около одного месяца. О затребовании особенного разрешения из Петербурга на поездку во время каникул см. ЦГИА(Л), ф. 733, д. 45690, стр. 20а (воспитанику Лапшину), стр. 46 (Лунину) и т. д.

¹⁴¹ Об ханжестве и низкопоклонстве Кранихфельда см. напр. ЦГИА(Л), ф. 733, д. 45690, стр. 40а—50а. Об обскурантизме его в донесении воспитанника Крюкова (там же, стр. 88а), который говорит, что Кранихфельд утверждал «... что металл платина и дух суть две противоположности, что движение земли около оси происходит от насыщения животных на одном полушарии и тошения на другом...»

¹⁴² ЦГИА(Л), ф. 733, д. 45690, стр. 84а: «Но если я должен назвать место, где в настоящее время процветают науки, то это есть бесспорно Париж. Не говоря о библиотеке и прочих пособиях, самых богатейших в целой Европе, не упоминая об известном Гизо, из профессоров истории возвышенного в звание министра, мне стоит только наименовать Тьерри, Капфига, Ноде, Монтеля, Мишле... чтобы подкрепить свое мнение...»

¹⁴³ Там же, стр. 89а + б.

¹⁴⁴ Там же, д. 48320, стр. 2а + б.

семестра 1834 года поехать в Италию, что он и сделал в первых числах августа.¹⁴⁵

В Италию Куторга так и не попал, так как уже в Вене тяжело заболел оспой. В виду того, что, по донесению самого Куторги, он был болен в течение 50 дней,¹⁴⁶ а Мансуров пишет в донесении министру, что болезнь эта длилась 3 месяца¹⁴⁷ (он подразумевает, очевидно, время отлучки Куторги из Берлина), получается разница во времени около полутора месяцев, которую Куторга и мог использовать для работы в библиотеках Вены и на обратном пути в Берлин также и в Мюнхене, о чем он сам пишет в вышеупомянутом предисловии к «Политическому устройству германцев». В пользу этого предположения говорит и мнение Куторги о Мюнхене, высказанное им уже в семестровом отчете от 19 декабря 1833 года.¹⁴⁸ Принимая во внимание, что промежуток времени был сравнительно коротким, и физическую истощенность Куторги после тяжелой болезни, представляется мало вероятным, что у него была возможность посетить Гейдельберг, который, кстати сказать, ему был не по пути. Поэтому соответствующее предположение Бауера придется, как маловероятное, отклонить. Совершенно исключена возможность посещения Куторгой Парижа. Туда он попал впервые и связался лично с так высоко чтимым им Гизо во время следующей поездки за границу в конце 1838 года.¹⁴⁹

Таким образом, работа Куторги во время заграничной командировки происходила в основном в Берлине. Об этой работе сохранились его отчеты за три семестра.¹⁵⁰ Из этих отчетов видно,

¹⁴⁵ Как видно из письма Стасюлевича к Куторге от 5 августа 1857 г. (Стасюлевич, *op. cit.*, стр. 299) Куторга во время этого путешествия был в Праге 6 августа (этим числом датирована его запись в альбоме известного деятеля чешского национального движения Ганки).

¹⁴⁶ ЦГИА (Л), ф. 733, д. 48432, стр. 3а: Куторга пишет в этом донесении, что он был болен с 10 августа до 29 сентября и в течение 15 дней был лишен зрения и лежал без памяти.

¹⁴⁷ Там же, стр. 1а „... cette maladie accompagnée de symptômes de grande malignité l'a retenu pendant trois mois“. Во всяком случае, в ноябре 1834 г. Куторга был уже снова в Берлине, так как тогда воспитанников института представили Николаю I (Schmidt, *op. cit.*, стр. 159; ср. Пирогов, *op. cit.*, стр. 354).

¹⁴⁸ Там же, ф. 733, д. 45690, стр. 84b: «Почти так как Берлин есть средоточие Германии северной, точно так Мюнхен — Германии горной. Щедростью Е. В. короля Баварского, университет и академия наук обогащены библиотеками, музеями, собраниями древностей и пр. Пребывание в Мюнхене доста-ило бы мне великую пользу.»

¹⁴⁹ Дата этой первой встречи с Гизо может быть точно определена, поскольку в архиве Куторги хранится следующая пригласительная записка Гизо (Гизо — Куторге, от 7 декабря 1838 г.): „M. Guizot sera charmé d'avoir l'honneur de voir monsieur Michel de Koutorga dimanche 9 decembre de 9 à 11 heurs de matin.“

¹⁵⁰ ЦГИА (Л), ф. 733, д. 45690, стр. 83—84: за летний семестр 1833 г.; там же, стр. 184а: за зимний семестр 1833/34 г. и там же, стр. 196а: за зимний семестр 1834/35 г. Нет отчета за летний семестр 1834 г., в конце которого, как мы видели, Куторга отправился из Берлина в свое единственное

что Куторга в период заграничной командировки не изучал трудов Нибура и его школы, вопреки ошибочному утверждению буржуазной историографии, следующей в этом за Бауэром. Не совершенствовался Куторга также в области классической филологии, как ему это советовали тартуские неогуманисты. И он был вполне прав. Рано сложившийся даровитый ученый, усвоивший уже в тартуский период сравнительно-исторический метод и теорию классовой борьбы, стоящий на пороге дальнейшего творческого развития этой теории, Куторга не нуждался в давно известных ему учениях Нибура и его школы. Свободно пользуясь в оригинале первоисточниками на греческом и латинском языках, как это справедливо подчеркивает Крузе во время дискуссии о присуждении Куторге ученой степени,¹⁵¹ автор диссертации, написанной на латинском языке, которую высоко ценили в течение десятилетий не только, как историческую работу, но и как достижение в области филологии,¹⁵² Куторга не нуждался ни в каком усовершенствовании в области классической филологии.

Из 3 заданий, которые Куторга наметил себе в плане работ на время заграничной командировки: ознакомление с учебно-методической работой университетов по истории, создание личного контакта с руководящими историками и работа в королевской библиотеке, именно последнее задание стало главным и ведущим звеном работ Куторги во время его пребывания в Берлине.¹⁵³ С большим рвением и прилежанием взялся он за эту работу, прибыв в Берлин одним из первых, уже в начале июня 1833 года, в то время как многие другие воспитанники, под тем предлогом, что из-за разницы в распределении семестров между русскими и германскими университетами они не могли прибыть в Берлин к началу летнего семестра, разъезжали туристами по Германии в течение всего этого семестра.¹⁵⁴ Если в своем отчете за летний

путешествие. По содержанию особенно ценным является отчет за первый семестр. Мансуров затребовал для отчетов лишь указания фамилий преподавателей и названия прослушанных у них курсов лекций.

¹⁵¹ ЦГИА(Т), ф. 420, д. 14036, стр. 35а.

¹⁵² Стасюлевич — Куторге 21 мая 1857 г. (Стасюлевич, *op. cit.*, стр. 294): довольно известный в то время автор учебников по древней истории, профессор Кортюм характеризует Куторгу следующими словами: «узнав, что я из Петербурга, спросил меня: знаю ли там einen tüchtigen Philologe, Н. Koutorga...»

¹⁵³ ЦГИА(Л), ф. 733, д. 45690, стр. 84а: в отчете министру народного просвещения за первый семестр Куторга, после того как он выразил свое восхищение библиотекой и замечательными богатствами ее рукописного отдела, пишет: «Что касается до меня, то я не могу довольно выхвалить ту щедрость, с какою мне она открыта; и я несколько не увеличу сказав, что... директор оной, более всех способствует моему образованию. В течение всего моего пребывания в Берлине история средних веков и в особенности Франции составляет главный предмет моих занятий и я вскоре надеюсь иметь счастье представить... труды свои.»

¹⁵⁴ Там же, стр. 5а: Кранихфельд пишет в семестровом отчете (16 сентября 1833 г.), что последние воспитанники прибыли в Берлин 16 сентября.

семестр 1833 г. Куторга еще жалуется, что работа в библиотеке затруднена, потому что библиотека открыта для чтения в течение очень короткого времени,¹⁵⁵ то в следующем семестре используя личное знакомство с директором этой библиотеки, известным в то время исследователем истории крестовых походов и профессором Берлинского университета, Вилькенем, он получил особое разрешение на работу в библиотеке в те часы, когда она была закрыта для публики.¹⁵⁶ Исходя явно из известного и изученного им в Тарту труда Гизо („Histoire de la civilisation en France”) Куторга, как видно из вышеприводимого отрывка из его отчета за летний семестр 1833 года, хотел ограничиться исследованием французского средневековья и смог поэтому высказать надежду на скорую публикацию результатов своих изысканий. То обстоятельство, что в дальнейшем ходе работы тема эта была расширена и углублена и исследование могло выйти в печати только в 1837 году,¹⁵⁷ было на пользу русской науке и самому Куторге, который благодаря этому исследованию стал наряду с Грановским и др. одним из основоположников русской медиэвистики. Разработкой «Политического устройства германцев» Куторга к тому же получил ту сравнительно-историческую базу, которая была ему нужна для развития теории классовой борьбы применительно к древней Аттике.

Большим разочарованием уже в первом берлинском семестре кончилось ознакомление Куторги с учебно-методической работой. Преподавание истории в германских университетах стояло, очевидно, на невысоком уровне и с методической точки зрения ограничивалось чтением общих обзорных лекционных курсов и практическими занятиями,¹⁵⁸ что досконально было знакомо Куторге уже по его учебе в Тарту под руководством Крузе. Метод специальных семинаров (и специальных курсов) — это, может быть, наиболее примечательное достижение методики преподавания истории в XIX веке — еще не был, повидимому, разработан и проведен на практике даже в Берлинском университете.¹⁵⁹ Станным на первый взгляд кажется то, что, кроме прослушанного у Вилькена в последнем семестре пребывания в Берлине курса древней истории, все остальные курсы, на которые записывался Куторга,

¹⁵⁵ ЦТИА(Л), ф. 733, д. 45690, стр. 84.

¹⁵⁶ Там же, стр. 120а: характеристика работ Куторги в семестровом отчете Кранихфельда (10 января 1834 г.).

¹⁵⁷ Куторга, Политическое устройство германцев, 1837.

¹⁵⁸ ЦТИА(Л), ф. 733, д. 45690, стр. 184а: Из отчета за зимний семестр 1833/34 г. видно, что Куторга принимал участие в критико-исторических упражнениях Вилькена.

¹⁵⁹ Указание Дове (биография Ранке в АДВ, т. 27, стр. 258) о том, что Ранке уже начиная с 1833 года внедрял в Берлинском университете метод специальных семинаров, едва ли верно, так как Куторга (и его товарищ по институту М. Лунин) ничего не пишут в своих семестровых отчетах об этом методическом новаторстве Ранке и принимают участие в практических упражнениях других профессоров, по адресу которых, как ученых и преподавателей, содержится в этих отчетах уничтожающая критика.

относятся по тематике к истории средневековья и нового времени. Причиной этому было то обстоятельство, что в Берлинском университете, несмотря на сравнительно большое число преподавателей истории (4 профессора и 8 приват-доцентов) не было ни одного специалиста по древней истории, которая, к тому же, в те времена еще окончательно не отделилась от классической филологии. Что Куторга все-таки использовал все возможности для совершенствования в избранной им специальности, видно из того, что он в последнем семестре своего пребывания в Берлине прослушал курс лекций по археологии одного из основоположников археологии Рима, Герхардта. Из преподавателей Куторга характеризует только профессоров. Характеристика лекционного метода берлинских профессоров у Куторги исключительно сурова и, насколько это можно проверить, в общем обоснована. Так, об известном исследователе эпохи Гогенштауфенов и издателе „Historisches Taschenbuch'a" Ф. фон Раумере Куторга пишет, что он до сих пор пользовался ложной славой и его лекции состоят лишь в том, что он читает по своей напечатанной книге, причем карандашом исправляет встречающиеся опечатки.¹⁶⁰ Даже по отношению к Ранке, которого как ученого Куторга ставит выше других берлинских историков, он пишет, что Ранке приходит на лекции неподготовленным, что он весьма плохой лектор и что он является профаном во всех областях истории, кроме избранной им узкой специальности, что, по мнению Куторги, характерно для большинства немецких историков.¹⁶¹ Мало удовлетворяли Куторгу и личные сношения с ведущими берлинскими историками, которые у него завязались при помощи привезенных из России рекомендательных писем. Пользу для себя он извлек только из повторных разговоров с Ранке.¹⁶²

Мы проследили развитие молодого Куторги как ученого в двух его основных этапах — в Профессорском институте и в заграничной командировке. Основным периодом является все-же первый из них. Именно здесь, в Тарту, Куторга стал мастером критики и анализа первоисточников. Здесь же он впервые показал свое мастерство в выдвигании прогрессивных, оригинальных

¹⁶⁰ ЦГИА (Л), ф. 733, д. 45690, стр. 83 и сл.

¹⁶¹ Там же, стр. 83а и сл. «Пример проф. Ранке служит убедительнейшим доказательством, что отличный ученый может быть иногда самым худым профессором. Г. Ранке не имеет даже и столько дара слова, чтобы выразить мысль свою и потому его лекции редко бывают привлекательны. Если к этому присоединить, что г. профессор иногда почти не готовится к лекции, то... увидите какую я могу почерпнуть пользу...» и на другом месте: «Ранке принадлежит к тем ученым, которые выбрали из науки одну какую либо часть, посвящают оной все труды свои, оставя в пренебрежении целую науку...» «Большая часть историков германских не следует сему пути (Куторга подразумевает здесь познания во всех областях исторической науки Ю. М.) и оттого и встречает часто в их сочинениях иногда всякой хвали достойных, разительное невежество.»

¹⁶² Там же, стр. 84а: «... я с благодарностью буду вспоминать некоторые из его разговоров.»

гипотез; в этом он превосходил большинство современных ему немецких историков, и недаром его гипотеза о происхождении афинских фил получила общее признание в тогдашней науке. В Тарту, наконец, усвоил Куторга сравнительно-исторический метод Гизо. Немало дала для развития Куторги как ученого и профессора заграничная командировка. Его изыскания для «Политического устройства германцев», так упорно проводимые им за все время этой командировки, стали основой той творческой переработки теории классовой борьбы, которую он развил в своей петербургской диссертации: «Колена и сословия антические», изданной им в 1838 г. непосредственно вслед за «Политическим устройством германцев» (1837). Даже окончившееся большим разочарованием для Куторги ознакомление с методом лекционной работы берлинских профессоров пошло на пользу его развитию, ибо по этому поводу Куторга развил свою теорию преподавания истории в университете, впервые сформулированную в первом берлинском семестровом отчете: «... профессор, имея обязанностью научать студентов, должен по возможности следить целую науку, дабы преподавать ее в том виде, в каком она находится.»¹⁶³

Подготовленный таким образом, Куторга мог произвести большие сдвиги в преподавании истории не только в Петербургском университете, где преподавание всеобщей истории десятилетиями находилось в плачевном состоянии, но и в любом другом русском университете. Та строгая наука, которая, по выражению Дестуниса, «слышалась» во всех его выступлениях, привлекала к нему лучшие молодые силы студенчества, и он скоро стал основоположником своей школы историков античности, обоснование которой в качестве основной ячейки «исторической школы Петербургского университета» совершенно верно ставит ему в заслугу С. Н. Валк. Наряду с исследованиями об античных филах и отдельными исследованиями и очерками им издаются также более крупные работы: «Греческая история до начала персидских войн» (1843), «История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада» (1848) и «Персидские войны» (1858). Выдающиеся научные труды и формирование под его руководством школы русских историков античности не могли не обратить на него внимание официальных научных кругов; в 1854 году была выдвинута его кандидатура в академики.¹⁶⁴ Против кандидатуры Куторги в Академии наук ополчилась реакционная немецкая «партия», и избрание в академики не состоялось. Борьба реакционеров против признания научных достижений Куторги началась исподволь уже раньше. На конкурс Демидовских наград 1849 года была выдвинута и «История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада» Куторги. Академия наук, по всей вероятности, не без умысла поручила составление рецензии на

¹⁶³ ЦГИА(Л), ф. 733, д. 45690, стр. 84а.

¹⁶⁴ См. архив Куторги 5.

этот труд Куторги его старому недругу времен Профессорского института, проф. Блюму, который, кстати сказать, сумел читать в течение 25 лет курсы статистики и географии России в Тартуском университете, так и не выучившись русскому языку. В «рецензии» Блюма,¹⁶⁵ вызвавшей справедливое негодование друзей и почитателей Куторги, умышленно обходится вопрос о крупных научных достоинствах труда Куторги, и вместо этого автор ее пускается в сумбурные разглагольствования о каких-то достижениях немецкой науки, показывающие лишь то, что сам Блюм не знает толком, что творится в немецкой науке. Несмотря на плачевное состояние аргументации, Блюм не постыдился заявить, что единственная ценность труда Куторги состоит будто бы в связной трактовке проблемы.¹⁶⁶ Весь замысел реакционеров из академии вскрывается в использовании ими «рецензии» Блюма. В своей сводке на русском языке, зачитанной на публичном заседании академии, неприменный секретарь лицемерно заявляет, что рецензия Блюма является «скорее строгою, чем снисходительною», и, фальсифицируя общую оценку Блюма, видит основную ценность труда Куторги. «... в искусном расположении и художественной обработке всего предмета». В те же 1850-ые годы Куторга, наконец, первым в тогдашней науке разрабатывал вопросы о социально-экономических отношениях древних Афин и своими работами о метэках и пр. вплотную подошел к своим исследованиям о трудящихся Афин, которые изданы лишь после его смерти в I томе сочинений в виде монографии «Общественное положение рабов и вольноотпущенников в Афинской республике».

¹⁶⁵ Blum, Kutorgas Geschichte der Republik Athen. Девятнадцатое при-
суждение учрежд. Демидовым наград. 1850 (= Blum, Kutorgas Geschichte),
стр. 191—202, и сводка на русском языке, составленная неприменным секретарем
академии. Bulletin de la classe historico-philologique de l'Academie des sciences
de St.-Petersbourg. VIII. Supplement. 1851, стр. 9 и сл. Об этой рецензии
см. Дестунис, *op. cit.*, стр. 11; Бузескул, Всеобщая история, стр. 102.

¹⁶⁶ Blum, Kutorgas Geschichte, стр. 196.

NOOR KUTORGA

(Vene antiikajalooteaduse tekkimisest)

Dots., ajalooteaduste kandidaat J. Madisson

Üldise ajaloo kateeder

Resümee

M. S. Kutorga kui teadlase ja professori tegevuse üle on küll olemas küllaltki ulatuslik historiograafiline ja memuaariline kirjandus, kuid sellel kirjandusel on palju ebakohti ja puudusi. Eriti suured on selle kirjanduse vääreisukohad ja vassingud faktilise materjali osas noore Kutorga arenemise küsimuses. Suurema monograafilise uurimuse raamides, mis käsitleb Professorite Instituuti Tartu ülikooli juures ja tema osatähtsust vene ajalooteaduse arenemises, õnnestus autoril näidata uues valgustuses noore Kutorga arenemist. Seni kasutamata ENSV RAKA (ülikooli arhiivifond) ja ülikooli käsikirjade osakonna materjalid võimaldavad tõestada, et Kutorga juba Tartu perioodil (1828—1833) muutus tookordse ajalooteaduse progressiivsema õpetuse — Guizot' rassi- (klassi-) võitluse teooria ja tema võrdlev-ajaloolise meetodi veendunud pooldajaks ja et ta ei siis ega hiljem pole olnud Niebuhri meetodi pooldaja, nagu seda ilma vajaliku põhjenduseeta väidab Kutorgat käsitlev kirjandus. Selle põhiküsimuse kõrval käsitletakse töös uues valgustuses professorite instituuti ja temas toimuva töö seni täiesti uurimata meetodilist külge. Töös antakse uus hinnang reaktsioonilisele uus-humanistlikule ideaalile, mida mõned ülikooli professorid kasutasid surve avaldamiseks Kutorgale ja ka selleks, et läbi suruda tema saavutusi alahindav, ebaõiglane magistri teadusliku kraadi omistamine. Töös tõestatakse, et ladinakeelne Kutorga Tartu dissertatsioon pole sugugi mingi üllatav esmakordne saavutus, vaid tema kui väljapaistva teadlase-erudiidi kasvu tulemus. Dissertatsioonile eelnes Kutorga seni kirjandusele tundmatu uurimus Trooja riigi üle. Nende tööde varal tõusis Kutorga kõrgemale tookordse antiikajalooteaduse esindajate enamikust. Laiema teadusliku üldsuse silmis kinnitas seda üleolekut Kutorga dissertatsiooni tunnustamine aastakümnete jooksul põhiteosena omal alal.

Töö järgmises osas näidatakse peamiselt, tuginedes senikasutamata arhiiviansesele Leningradi RAKA-s ja Kutorga arhiivis, et

Kutorga välismaakomandeering (1833—1835) piirdus töötamisega Berliinis, sest tsaarivõim hoidis instituudi kasvandikke ka välismaal pideva järelevalve all ja keelas Berliinist lahkumise. Kutorga ainus reis viis teda Berliinist üle Praha Viini, kus reis katkes tema raske haiguse tõttu. Selle välismaakomandeeringu ajal pole Kutorga, nagu tõestatakse käesolevas töös, tegelnud Niebuhri õpetuse uurimisega, mida vääralt väidab Kutorgat käsitlev kirjandus, vaid ta on suure usinusega töötanud Berliini, Viini ja Müncheni raamatukogudes oma germaani suguharude arenemist käsitleva uurimuse koostamisel, luues sellega võrdlev-ajaloolise baasi klassivõitluse õpetuse edasiarendamiseks Vana-Ateena ajaloo käsitlemisel. Töös esitatakse senitundmatuid Kutorga hindavaid seisukohti Saksa ajalooteaduse selliste väljapaistvate esindajate, nagu L. Ranke jt. kohta. Töö lõpposas näidatakse Kutorga tõusu Vene antiikajalooteaduse rajajaks ja tema senitundmatut konflikti reaktionääridega teaduses seoses Kutorga kandideerimisega akadeemiku kohale.